

ЕЛЕНА КНЯЖИНА

16+

“Чудовищный”
СЕКРЕТ
АВРОРЫ или
МАГИСТРА НЕ ДРАЗНИТЬ!

Елена Княжина
«Чудовищный» секрет Авроры,
или Магистра не дразнить!
Серия «Дикая магия», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68006532

SelfPub; 2022

Аннотация

В Академии творится тролль знает что! Тайный вредитель нападает на бесценных магических тварей. И это накануне приезда важной комиссии из столицы! Новый магистр (плотоядных шурхов ему в постель!) вздумал наводить свои порядки. Зеленоглазый горе-пророк уверяет, что нам с ним что-то там суждено. А в мыслях засел незнакомец в маске волка, играючи спасший мне жизнь и укравший первый поцелуй... И десертной вишенкой – неудавшееся зелье мисс Рид, превратившее мою жизнь в кошмар.

Содержание

Глава 1. О мудрых волках и глупых птичках	4
Глава 2. О шмырлах и первой любви	20
Глава 3. О личном, общественном и всяких гоблинах	42
Глава 4. О вреде купания в преподавательской ванной	59
Глава 5. О новом магистре, пухе и перьях	85
Глава 6. О диких кошках и приворотных зельях	115
Глава 7. О внезапном желании обзавестись потомством	129
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Елена Княжина «Чудовищный» секрет Авроры, или Магистра не дразнить!

Глава 1. О мудрых волках и глупых птичках

С опаской озираясь по сторонам, я пробиралась сквозь заросли ласковой глицинии. Ее плотные белые соцветия так и норовили меня защекотать, едва касались кожи. Но мне было не до игр: я пряталась.

Из центральной круглой залы приглушенно доносилась музыка. Сейчас там был весь магический свет: Последний Бал Лета, как-никак.

Я же торопливо шагала по «внешнему кольцу» Дворцовой Оранжереи Вяземских, то и дело отмахиваясь от растений, жаждущих познакомиться поближе. Но им по степени навязчивости было далеко до одного... Павлина! Из-за него-то я и пустилась в бегство, так толком и не выгуляв свой экзотический наряд.

Последний вечер августа я рассчитывала посвятить тан-

цам: душа требовала веселья. Но вместо этого пряталась в полумраке запретной секции. Впрочем, мне всегда было любопытно сюда заглянуть и узнать, что за диковинные растения выращивала давно почившая графиня Вяземская.

В Дворцовой Оранжерее я бывала уже трижды и неплохо ориентировалась. Огромный стеклянный замок с прозрачными потолками, через которые просачивалось ночное звездное небо, меня удивил лишь в первый раз. Как и парящие в воздухе шары-светильники, наполненные золотистым волшебным газом. А с Глицинией Ласковой мы и вовсе стали подружками.

Юбка моего платья шуршала по полу, цепляясь декором то за плотоядные кактусы, то за драчливые пальмы. И из-за таких вот стычек с растениями предательски звенела. Приходилось красться практически на носочках, огибая самых нахальных местных обитателей.

А где-то там по Оранжерее бродил Павлин, потерявший объект своих бесхитростных домогательств. Я нервно оглянулась на шорох... Нет, показалось.

Действительно ведь, Павлин!

Сегодня был объявлен магический маскарад. За вечер мне довелось случайно наступить на ногу серой Кошке, поспорить с высоким плечистым Львом, обсудить дизайн платьев с рыжеволосой Летучей Мышью, покружиться в вальсе с молчуном Орлом и... Ну да, попасть под прицел одного Павлина-ловеласа в изумрудных перьях.

А еще – неловко упасть в хищные объятия черного Волка и, в попытке избежать навязчивых павлиньих ухаживаний, задержаться в его лапах на целый танец.

Восхитительный танец. Безумный. После которого я, заведя зеленое оперение, движущееся в мою сторону, самым позорным образом сбежала.

Моя двоюродная бабушка Аманда – чертовски суетливая, деятельная натура, пережившая своего седьмого мужа и находящаяся теперь «в активном поиске» восьмого несчастного – владела модным магическим ателье. С годами ее дизайн стал экстравагантнее, так что у меня не было шансов не привлечь к себе внимание. Голубые перья и крошечные серебряные колокольчики, художественно облепившие юбку от пояса до края подола, так и магнитили к себе чужие взгляды. И уши.

Я ведь, тролль побери, звенела на каждом шагу! Мелодично и тонко, но все-таки. К счастью, благодаря маске риск быть узнанной сводился к нулю.

Мне досталась сине-голубая «Птица». Сама прилетела в руки, едва я переступила порог Дворцовой Оранжереи. Мягко приземлилась на лицо, раскрасневшееся от волнительного предвкушения. И словно приклеилась.

Серебряный клюв плотно лег на нос, перья рассыпались по щекам и вискам, оставив открытыми только губы, подбородок и пару прорезей для глаз. Я явственно ощутила прикосновение чар.

Странно – мне даже на секунду показалось, что я умею летать. В тело вселилась легкость, хотя я порядком утомилась во время примерки у тетушки. Хотелось кружить по залу, расправив крылья, и звонко смеяться.

Говорят, эти дивные маски зачаровал какой-то Высший маг, обожавший карнавалы. Лет триста или четыреста назад. На них были наложены крепкие иллюзорные чары – настолько мастерски, что невозможно было определить, кто под маской. Кроме, разве что, пола и телосложения. Голос собеседника все время менялся, его облик плыл, и даже цвет глаз казался каким-то невнятным.

Все, что я могла сказать о Волке – он был высок. И, пожалуй, потрясающе искусен. В смысле танцев, конечно же. В других смыслах он меня решительно не интересовал, как и все прочие представители местной «фауны».

Во-первых, мне всего восемнадцать, и до магического совершеннолетия – больше полугода. Во-вторых, у меня достаточно забот в Академии, чтобы тратить время на глупости.

Но этот танец... На секунду он поколебал мою решимость покинуть бальную залу.

Едва музыка заиграла, Волчара так резко схватил меня за талию и так плотно прижал к себе, что выбило дух. И неприличные мысли рванули в сознание жужжащим роем. Со стороны выглядело, словно мы пара и пришли вместе – так по-хозяйски нагло он себя вел. Уверенно, настойчиво, будто был в своем праве.

А я, напротив, непривычно смушалась. Обычно мне палец в рот не клади – включается самозащита высшего уровня. Как-никак, годы тренировок под неустанным контролем родителей и брата.

А тут вдруг вместо защитной реакции включилась застенчивость. И я этому Волчаре весь танец наступала на ноги. Бормотала какие-то неловкие извинения, зачем-то краснела под маской и в итоге ляпнула, что он приятно пахнет.

Приятно. Пахнет.

Занавес. Да морфову ж бабушку...

Он действительно пах необыкновенно. Терпко, опасно, дразняще. Я никак не могла распознать аромат, хотя все детство провела в отцовских теплицах с волшебными травами, на короткой ноге с Монстроглазом и Пугливым Пасленом.

Пах так маняще, что захотелось провести носом по крепкой шее и коснуться открытой кожи губами. Но это не могли быть мои собственные фантазии! Откуда? Я же не маньяк какой-нибудь – волков обнюхивать? И, хуже того, облизывать? Нездорово это как-то.

А если бы меня вдруг и посетило такое навязчивое желание, я бы обратилась к проверенному варианту, полностью натуральному. Профессор Осворт, вервольф-полукровка, – хороший друг нашей семьи. Так что для меня давно не секрет, чем пахнет волчья шерсть.

Со знанием дела заявляю: собачьим шампунем с хвойной отдушкой. В редких случаях – с лавандовой. А не вот этим

вот всем, с ума сводящим! Во всяком случае, дядю Осворта мне ни разу облизать не хотелось.

Это все маски. Странные они какие-то. И чары, видать, просроченные: так и толкают на глупости.

Я резко выдохнула и остановилась. Ни к чему мне в голове эти дурацкие мысли. Тряхнула плечами, оправила юбку...

Ох! Да он перышки мои помял своими загребущими волчьими лапами! Вот ведь... тролль лохматый!

Талант мага, зачаровавшего маски, впечатлял. Даже спустя полчаса после танца я была уверена, что вальсировала не с человеком – с Волком. Вместо рта мне виделся хищный оскал, вместо волос – взлохмаченная черная шерсть...

Изменчивая галлюцинация не позволяла распознать даже цвет глаз мужчины. А ведь он пристально, до мурашек внимательно смотрел на меня, пытаясь просочиться под маску. Я же весь танец пялилась на его пасть и ощущала себя хрупкой птичкой, прижатой сильной лапой к чему-то твердому и опасному. И это странным образом волновало.

Выкинуть случайного партнера из головы никак не получалось. С прискорбием признала, что, если бы не Павлин, я бы задержалась в наглых лапах подольше. Интересно было, чем закончится история «охотника» и его пернатой «добычи». Глупая, самонадеянная птичка...

Юбка жалобно зазвенела: дебри, в которые я залезла, стали совсем уж непролазными. Эти коридоры Дворцовой Оранжереи явно не предназначались для прогулок. Зато

прятаться тут идеально.

Я перевела взгляд на прозрачный потолок. Черное небо намекало, что август вот-вот закончится. И в свои права вступит осень.

Август... Наше сообщество волшебников к этому месяцу и по сей день относилось с трепетом.

Во-первых, он был созвучен имени Великого и Ужасного... Нет, не Гудвина. Про того изобретательного фокусника я читала, он был еще ничего. Августуса Блэра. Последнего Высшего мага, решившего перекроить мир на свой вкус. Психа, обладавшего невероятной силой и наполеоновскими амбициями.

Во-вторых, в конце лета мы отмечали важную дату – избавление от этого самого Великого и Ужасного. «День второго падения Темного Принца» (мама всегда в шутку добавляла «Бесштанного», но я не рискнула прояснить этот момент). Отмечали молча, в тишине, с легким звоном бокалов и мыслями «о своем».

До сих пор маги содрогались от имени Блэра, хотя Второе Пришествие Темного Принца случилось аж девятнадцать лет назад. Мы с Арти тогда еще на свет не появились, и родителям пришлось отдуваться без нас.

И если в первый раз Августуса упокоила моя пра-пра-пра (там очень много «пра») бабушка Аврора Воронцова, то во второй (вот не лежалось гаду в склепе спокойно!) это сделала моя мать, Анна Карпова.

Очень хотелось верить, что с очередной попытки изгнание Бесштанного прошло успешно и на этом череда упокоенных Блэра закончилась. И мне не придется повторять мамин подвиг. Потому как я не очень-то люблю кровь, да и дар мой до сих пор не проснулся.

То ли дело брат – вот он кого угодно упокоит хоть сегодня! С охотой и энтузиазмом. И завтра еще кого-нибудь – за компанию.

На окне плясали тени от танцующих под потолком лиан. Я поймала в нем свое отражение. Покусила губу. Склонила голову набок и пристально посмотрела себе в глаза.

У меня были голубые. Очень яркие. Кто-то счел бы это подарком Судьбы, но я бы с радостью поменяла на карие. Потому что те, кто знал, поглядывали на меня с опаской.

Ну и что, что у обоих родителей черные? Ну и что, что Бесштаный Блэр был папиным предком и пугал всех насыщенно-бирюзовым взглядом? Это совершенно ничего не значит!

Да, во мне, как и в отце, течет кровь Солины, сестры того самого Августуса. И, может, даже магическая дикая капля мне досталась Блэровской породы (пока особый дар спит, тролль разберет). Но это совсем не повод глядеть на меня, как на чудовище!

До трех лет мама еще надеялась, что мои глаза изменятся. Папа над ней смеялся и уверял, что это нестрашно. У моего деда со стороны Карповских были такие же. Вот и весь сек-

рет. Но людям ведь скучно слушать логичные объяснения, им интереснее выдумать жуткую теорию заговора и объявить меня Карой Судьбы!

Пока же я карала только себя и бедную пернатую юбку.

Я попыталась продолжить путь, но носок туфли стукнулся о неприметное кашпо с подсохшим плющиком. И я, естественно, не смогла пройти мимо бедняги.

– Сейчас, малыш, – обнадежила плющик и поискала глазами лейку. Я видела несколько серебряных на своем пути. – Совсем тебя не замечают за большими страшными пальмами, да?

Привычка общаться с растениями и животными у меня была профессиональной: сказывалась практика в Заповеднике при Академии. Серые листочки вяло развернулись в мою сторону – услышал.

Лейки не нашлось, и пришлось орудовать именным жезлом. Просунув волшебную палочку под листья, я прочитала формулу «Акверии» и хорошенько смочила землю, высохшую до состояния камня. И как плющик вообще выживал тут без меня?

Невзрачный, незаметный, еще и спрятался под Монстерой Шипящей... То-то про него постоянно забывают. Я бы под эту монстеру сама добровольно не полезла.

Выдвинув горшок на свет, чтобы в следующий раз и ему досталась порция живительной влаги, я обнаружила проход к небольшой дверце. Без каких-либо опознавательных зна-

ков, намекавших, что входить сюда нельзя. А раз не запрещено, значит, можно!

Я протиснулась за монстеру и, залихватски чихнув, дернула дверцу на себя. Та поддалась, впуская меня в секретную секцию Дворцовой Оранжереи...

Любопытство у меня в крови. Ядреное, концентрированное. Наследственное. Так что я была бы не я, если бы не проверила, что там внутри.

К тому же на том конце коридора мне послышались гулкие мужские шаги. Это мог быть только разыскивавший меня Павлин, старую ворчливую гоблиншу ему в содержанки! Кому еще придет в голову гулять в одиночестве в дебрях запретной секции?

Судя по создаваемому грохоту, он спешил и был весьма напорист в своем желании меня найти. И ничем хорошим наша встреча в полумраке Оранжереи бы не окончилась.

Свои планы на мою звенящую на все лады юбку он озвучил более чем конкретные. И крайне гадкие. Так что, ни секунды не сомневаясь, я юркнула в открывшийся проем и тихонько затворила дверь.

Место тут оказалось фантастическое. Даже по нашим волшебным меркам. Я бы сказала, что «райский уголок», но было в нем что-то... настораживающее.

Крупные бутоны размером с мужскую ладонь, наподобие люстр свисавшие с потолка на длинных стеблях-шнурах, словно чего-то ждали. Или кого-то... Они колыхались от лег-

кого ветра и сонно раскачивались.

Стены были увиты лианами, кое-где мелькали уютные островки мха. Запах тут стоял дивный, насыщенно-цветочный, чуть сыроватый и дурманящий.

Я прошла вперед, обходя коряги, торчавшие прямо из пола. Сколько же лет этой оранжерее? Я будто в доисторических джунглях очутилась!

Жилистый ствол старого дерева торчал посреди комнаты и макушкой уходил в прозрачный потолок. Не удивлюсь, если доставал до неба. Я поежилась: прохладно. А был ли тут вообще потолок? Но если не было, то откуда свешивались все эти бутоны?

Я задрала голову к усыпанной звездами черноте. Прямо надо мной пришел в гипнотическое движение ярко-алый цветок. Он раскачивался, как змея, на своей бесконечно длинной ножке, и я не могла отвести взгляда. Глаза устали от красного пятна, танцевавшего перед ними, и сами собой закрылись. Поспать сейчас было бы кстати, да...

И так здорово, что толстая лиана оплела меня за талию и, баюкая, прислонила к гладкому стволу дерева. Я откинула голову, потерлась затылком о кору. Блаженство...

Что-то все же заставило поднять веки. Я с удивлением обнаружила, что цветок, паривший надо мной, раскрылся. Красные лепестки хищно заострились, а из сердцевины на меня смотрела... сама бездна.

Я тонко вскрикнула: ну и жуть!

Бездна в ответ плюнула. Прямо в меня. Уважения ни на грамм!

Пыльца плотным красным облаком забила мне в ноздри, скользнула в горло и едкой волной прокатилась до самых легких. И теперь бы уж я во весь голос заорала, да только не смогла.

Немой рыбой я открывала рот и силилась сделать хоть один вдох, царапая кожу на горле ногтями и извиваясь на лиане, примотавшей меня к чертовому стволу хищного дерева...

Юбка отчаянно звенела, дышать хотелось все сильнее. Облако пыли все глубже и глубже забивалось внутрь, а на помощь никто не спешил. Если Павлин и ходил где-то поблизости, он меня не слышал. А может, нашел себе пташку поговорчивее и ушел.

Троль побери!

Последний день лета. Завтра мне возвращаться к учебе. К моим животным, к друзьям. У меня очень, очень большие планы на этот год. Мне совершенно никак нельзя умирать!

Перед глазами все плыло. Сознание уже собиралось меня покинуть, когда дверь секретной комнаты хлопнула и послышался хруст коряг под чьими-то грубыми ботинками.

– Не дышите!

Похоже, у меня начались галлюцинации – из темноты выплыла волчья морда и хищно оскалилась. Я дернулась сильнее, но сделала только хуже: лиана затянулась совсем туго.

– Не дышите, сказал же, – прорычал вкусно-пахнувший-волк, и я, проморгавшись, его признала.

Да как же не дышать, когда так хочется? Я и так с трудом, а он еще и запрещает!

Пыльца продолжала жечь легкие, и я двух слов связать не могла в свое оправдание. Только скребла горло и жалобно глядела на мужчину из-под своей маски.

– Какая непослушная, – подвел итог Волк и... впился в мои губы нахальным поцелуем. Голодным, жадным, жарким, звериным. Словно, мучимый жаждой, выпить меня пытался.

Да что он себе позволяет? Совсем одичал под этой маской!

Я слабо стукнула ладошками в его грудь, но мужчину не проняло. Попыталась царапаться, но ногти проскользили по теплой коже, не нанеся ущерба.

И все-таки – надо было хоть видимость борьбы создать. Не могла же я добровольно подарить первый в жизни настоящий, взрослый поцелуй незнакомцу?

Но губы отвечали, что могла. Уж больно искусным был этот лохматый тип. Настойчивым, уверенным. И это напрочь подавляло мою обычно такую сильную волю.

Руки как-то сами обхватили его за шею и притянули к себе. Губы потребовали, чтобы мужчина продолжил чувственную муку. Сладкую. Вкусную. Умелую. Меня ни разу еще так не целовали – до мурашек, до скачущего галопом пульса, до болезненных спазмов, до тока, бьющего в каждый нерв.

Далеко не сразу я поняла, что Волк самым натуральным образом высасывает из меня воздух. Вместе с едкой пылью, чуть меня не задушившей. Правда, без кислорода я тоже долго протянуть не должна была, но тело об этом позабыло. Ох уж эти «отвлекающие процедуры».

Похоже, мы меня просто лечили. Но до чего же приятная терапия...

С талии исчезла тугая лиана. Загребущие лапы сжали и подбросили тело вверх, легко оторвав от пола. Сграбастав в охапку и не разрывая поцелуя, меня прокатили спиной по стволу, а затем – по замшелой стене... И, кажется, вынесли обратно к плющику.

Монстера лезла в ухо и что-то возмущенно шипела. Удушье отпустило. А вот Волк меня – нет. Но это было у нас взаимно.

Стоило признать, что он просто оказывал мне первую помощь. И как-то уже отлипнуть от его груди, к которой я самым постыдным образом прижималась. Спишем на нервное.

– Вы тоже приятно пахнете, птичка, – прохрипел незнакомец в мое ухо, отпихнув монстеру.

Узнал меня. Запомнил. Господи, слава троллям, я в маске!

В хриплом голосе слышалась усмешка. Будто он мог видеть, что под маской я совершеннейший помидор. И дышу через раз, и вообще... Думаю катастрофически не о том, о чем следовало бы.

Волк опустил меня на землю и фамильярно пощекотал мои перышки (в совершенно прямом смысле слова!). А потом оперся рукой о стену, отвернулся и самозабвенно закашлялся. Воздух окрасился алым – токсичная пыльца покидала легкие мужчины. Он что же, втянул весь яд в себя?

– Похоже, сейчас мне придется оказывать вам первую помощь... – прошептала, с опаской косясь на скрючившегося Волка. Он поднял на меня голову. Под маской трудно было угадать эмоции, но интуиция подсказала, что там удивление пополам с предвкушением. И я спешно поправилась: – Не такую первую помощь. Какую-нибудь другую. Нормальную.

– Само пройдет, – хмыкнул Волк и, пошатываясь, побрел прочь из коридора.

Интересно, что он тут делал? Прятался от кого-то или, наоборот, искал?

Я отряхнула свое «чудо в перьях», ранее именовавшееся платьем. Измятая, мокрая, поцарапанная наглыми ветками, обсыпанная цветочной пылью, звенящая как-то дергано, неровно... Вот теперь во мне даже под маской легко узнавалась Ава Карпова. Слава троллям, бабушка Энджи, княгиня Карповская, меня не видела!

(примечание автора)

Дорогие читатели, предыстория, посвященная родителям главных героев, называется «Дикая магия. Проклятье «Черного тюльпана». Чтобы максимально погрузиться в

мир, историю и отношения между персонажами, чтение рекомендуется начинать с нее. Однако книга «Секрет Авроры» подходит и для самостоятельного чтения.

Глава 2. О шмырлах и первой любви

«Меня зовут Аврора, и это моя главная проблема. Меня постоянно сравнивают с пра-пра-пра – сколько же там «пра»? – бабушкой. Графиней Воронцовой, основательницей нашей Академии, прозванной «Мудрой».

Так уж вышло, что мы с братом родились, когда весь магический мир праздновал победу над Августусом Блэром, Великим и Беситанным (зачеркнуто) Ужасным. Вторую по счету. Так что родители не придумали ничего лучше, чем назвать меня в честь той, кто упокоил злодея в первый раз. Дань уважения или вроде того.

Но я не графиня и не Воронцова. И уж точно не мудрая. Я просто Ава Карпова, ученица шестого курса Санкт-Петербургской Академии магии, единственная дочь ректора (читать со скорбным выражением на лице)...»

Я захлопнула дневник и сунула под подушку. Чушь какая-то.

Мемуары – точно не мое. Дед говорил, это успокаивает. Умиротворяет. Но меня пока только сильнее раздражало. И нестерпимо хотелось кого-нибудь умиротворить. Временно, разумеется. Вот, к примеру, эту несносную насекомоядную либри, стрекотавшую у меня над ухом. Опять сбежала,

негодница, с заповедной территории!

Между тем, ни цветком, ни насекомым я не была. А то, что пылью пахла... Так это после вчерашнего.

Все утро я честно вздыхала по незнакомцу, оказавшему мне первую помощь и подарившему первый взрослый поцелуй. А потом решила, что достаточно. Под грозной маской он вполне мог быть прыщав, морщинист и стар. Порой счастье – в неведении.

К тому же, как мне объяснила Джиллиан Кавендиш, ничего из ряда вон выходящего не произошло. В этих оранжевых закутках все то и дело обнимаются. Так положено.

Отмахнувшись от крошечной – с мой мизинец – птички, пощипывавшей ухо, я встала с постели и надела простое платье, которое не жалко запачкать. В том, что чистой из Заповедника я не выйду, сомневаться не приходилось. Еще ни разу местная магическая живность не оправдала моих надежд на хорошее поведение.

Оптимистично улыбнувшись скульптурам, обрамлявшим парадный вход в Академию, я зашагала вперед. Помахала русалке, плескавшейся в открытом пруду. Сорвала с невысокого деревца недозревший альта-цитрон и жадно откусила от желтого бока. Сегодня непременно будет хороший день. Судьба просто обязана компенсировать мне вчерашнее происшествие, чуть не окончившееся удушьем.

Сентябрьское питерское солнце ничем не отличалось от августовского, но сердце щемило предвкушением: завтра

начнется учеба. Большая часть учеников и педагогов придет в Академию вечером, но я... я и так дома. Я тут и учусь, и живу, и работаю. И много чего еще делаю, но отцу об этом лучше не знать.

Уверенным шагом я миновала третью теплицу, а за ней и восьмую, и десятую... Бесконечные ряды стеклянных домиков-оранжерей, собравших в себе все волшебные травы нашего мира. Мамина гордость и папина головная боль. А временами – наоборот. Прямо как я.

Из куста самшита вынырнул Бойз и, тряхнув белым мохнатым задом, увязался за мной. Он был хоть и не кот, но тоже гулял сам по себе. Лучше бы мой сабер, воплощавший собой дурную примету, и дальше шарахался по лесу или выпрашивал у деревенских жителей лакомства.

Едва он появлялся на нашем пороге, мама обреченно вздыхала: «Ну вот, полный песец снова с нами. Пристегните ремни». Она имела в виду, что следом за мохнатым задом подтянутся неприятности. И они, как правило, не заставляли себя ждать. Вот какие послушные. Прикормленные.

Родственники возлагали на меня большие надежды. Слишком большие. Иногда казалось, будто я придавлена ими к земле, как гигантской каменной глыбой.

Моя мать, последняя из Воронцовых, владела Академией и ехидно так намекала, что когда-нибудь бразды правления перейдут ко мне (это она, конечно, опрометчиво). Бабушки Ангелика и Аманда упрямо тянули канат в сторону удачно-

го замужества. Они постоянно знакомили меня с «перспективными молодыми магами-аристократами из известных родов». Естественно, холостыми. Временами даже симпатичными.

Дедушка Артур ждал, когда мой особый дар пробудится. Он искренне полагал, что с такими генами я стану великой волшебницей. Мой крестный Фридрих – в те редкие времена, когда не занудствовал, – с задумчивой улыбкой говорил, что передо мной лежит весь мир. И смотрел куда-то за горизонт, тролль знает, на что именно намекая...

Отец же просто мечтал запереть в каком-нибудь надежно охраняемом чулане, чтобы я пореже попадала в неприятности. И на всех бабушкиных «перспективных» поглядывал так... кхм... «воодушевленно», что те у нас не задерживались. Чувство самосохранения брало верх.

Похоже, никто всерьез не верил в мое скромное увлечение. Думали, перерасту. Сдамся. Плюну с высокой колокольни и займу себя чем-то не таким опасным, дурно пахнущим и портящим-всю-мою-одежду. Волшебной кулинарией там, дипломатией или магической кройкой и шитьем...

На самом деле, мой мир был не за горизонтом. Он располагался прямо здесь, за невзрачными воротами, оплетенными охранными чарами высшего порядка. За ними начиналась заповедная зона, в которой проживали самые диковинные животные мира магии.

Территория, на которой возможно все. И даже больше.

Я подошла к небольшому одноэтажному строению и стукнула именным жезлом в боковую дверь. С той стороны слышалась суетливая возня. Шорохи, фыркание и грохот намекали, что «постояльцы» занимались какими-то непотребствами. Но, услышав меня, поспешили придать себе благопристойный вид.

Ну-ну. Сейчас посмотрим, как им это удалось.

Я вошла внутрь. Ох, ну и разгром!

Кашпо с Папоротником-шатуном перевернуто, земля рассыпана по всему дощатому полу, с лампы свешиваются огрызки туалетной бумаги... Поймаю – устрою всем профилактическое купание в щекочущем растворе! Посмотрим, кто будет пищать последним!

Целительский корпус был совершенно пуст – на первый взгляд. Но меня не проведешь. Стоило присмотреться, как хитрые черные глазки обнаружили в зарослях тимьяна лечебного. Еще одни – ярко-фиолетовые – глядели на меня из-под стола для перевязок. Подозрительно знакомый розовый нос высовывался из ящика с медицинскими инструментами. А полосатый хвост торчал из шкафа с официальной формой Заповедника.

Видимо, пожилая Милли, моя непосредственная начальница, уходя на обед, неплотно затворила клетки. Она уже слаба и зрением, и памятью, но других кандидатур на должность не нашлось.

– Ох... И кто же это все натворил? – нарочито громко со-

крушалась я, обходя стол для перевязок и подбираясь к зачинщику. Остальных я знала, они у меня не буйные. Значит, инициатор погрома – новенький. – Неужели призрак Роджер снова взялся за старое?

Медленно наклонившись, я обнаружила серую мохнатую филейную часть с раздвоенным пушистым хвостиком. За него-то и схватила негодника: теперь не уйдет!

Обычно Крысоловы Двухвостые фигурой походят на хорьков, но конкретно этот был размером с упитанного британца. Он что-то басовито простонал и, скребя когтями по доскам, принялся ползти в противоположную сторону. Готов был лишиться своей пушистой гордости, лишь бы не попасть в мои руки!

Хмм, неужели ему про меня рассказывали? Да не так уж все плохо, как выглядит со стороны!

С этим пациентом мы еще не были знакомы, но, судя по волочившемуся по полу объемному пузу, с ним приключилось обычное переедание. Причина побега тоже стала ясна: кому ж понравится сидеть на принудительной диете из капустных листьев?

– Это для твоего же блага, – строго заявила пытавшемуся удрать крысолову. – Мы тебя вылечим, а уж потом...

Стон стал выше на пару октав и приобрел оттенок обреченности. Не верит. Сомневается в моем целительском даре. Я медленно выдохнула: стало немного обидно. Хорошо же ему мозги запудрили!

– Да тот случай вообще единственный был! И почти никто не пострадал... – возмущенно засопела, вставая на колени. Забралась по пояс под стол и получше ухватила за упитанный зад. – Мы непременно подружимся... – цедила сквозь зубы, сдувая разлохматившиеся волосы со лба. – Не сомневайся...

Может, случай был и не единственный, но я самозабвенно врала – для его же мохнатого блага. Мои экспериментальные методы пока не получили одобрения высших инстанций, и бывали всякие... инциденты.

Загнанный в тупик, крысолов нервно обернулся. Ярко-фиолетовые глазищи в половину морды смотрели так жалобно, что я почти сдалась. Пальцы уже готовы были разжаться. Но я напомнила себе, что если позволю ему наестся какой-либо вредной гадости, то сделаю только хуже.

Минуты моих сомнений хватило, чтобы негодник сделал рывок, выскользнул из рук и забился в дальний темный угол. Троль побери!

– Его можно приманить порошком валерьяны, – раздалось над моим оттопыренным... всем. Так неожиданно, что я дернулась и ударила головой о металлическое дно стола.

– Ау-у-у...

– Аккуратнее, Аврора Андреевна, – голос, знакомый до мурашек на пояснице, влился в уши, и я закусила губу, чтобы не застонать громче.

Нет, нет, это не может быть он! Только не сейчас! Не так!

За что Судьба ко мне так немилосердна?

– Зная взгляды вашего отца, до свадьбы точно заживет, не сомневайтесь, – крепкие руки ухватили меня за талию и попытались выудить из-под стола. Вот прямо как я недавно крысолова. Теперь-то я его понимала – сама готова была жалобно скулить и забиваться в угол. Я не поддалась, и неожиданный посетитель искристо рассмеялся.

Вот ведь черт. Наверняка он сейчас запрокинул голову, и его забавные каштановые кудряшки подскакивают за ушами. А у серых глаз собираются пучки тонких мимических морщин. На щеках две ямочки, и одна – на заросшем недельной щетиной подбородке...

– Господин Хайв? Что вы тут, ради святого морфа, забыли? – не слишком-то вежливо уточнила я из-под стола, с удивлением осознав, что рук с моей талии он так и не снял.

– Вас не предупредили, да? Я с этого года назначен новым Главным Мастером Заповедника, – с теплотой в голосе ответил он. С большой буквы Он. – Возвращаюсь, так сказать, к истокам... Вам теперь придется часто терпеть мое скучное общество, Аврора Андреевна.

Я снова дернулась. И снова стукнулась. У-у-у-у!

Мы не виделись с Бренданом Хайвом уже пару лет. Но это не мешало мне помнить его голос, и улыбку, и эти дурацкие ямочки, и... Всю ту ужасную неловкость, которая началась после того, как глупая-глупая Ава призналась в любви другу своих родителей. Взрослому, не раз побитому жизнью и, к

прискорбию, женатому. О чем он мне в тот же миг деликатно напомнил, лишив всякой надежды и разбив юное, неопытное сердце на осколки.

Любопытный черный нос сунулся ко мне под стол, и Бойз усталился на скрючившуюся хозяйку. Я грозно шикнула на сабера: нечего на меня смотреть с таким укором! Все у меня давно перегорело. Не совсем же я сумасшедшая – грезить женатым мужчиной, которого едва знала и которого два года не видела?

А то, что щеки пунцовеют и руки дрожат, сознание плывет и внутри все жгутом скручивается, – так это от неожиданности. Не готова я оказалась к стихийному бедствию имени кудрявого бравого воина.

– Вы будете вылезать? Или организуете себе там рабочее место? – с ехидством уточнил Брендан, убирая, наконец, ладони с моего платья. Фу-у-у-ух.

Мой пухлый «песец» – спутник по жизни и в прямом, и в переносном смысле – смачно расчихался. Но мне показалось, что он просто ржет надо мной на своем песцовом диалекте.

Медленно, пятясь задом, я выползла из-под стола и, не поднимаясь с колен, устала вверх. На него.

Как и ожидалось, господин Хайв оказался неприлично хорош собой. Он был младше отца лет на шесть или семь, но, как любой сильный маг, годами живший в заповедной зоне, выглядел максимум на тридцать пять. Разве что кто-то его

недавно уже успел потрепать.

– Вы ранены? – спросила, таращась на шею мужчины, покрытую мелкими розовыми порезами. Будто бы от женских ногтей или тонких коготков вислокрылой сайлы.

– Ерунда. Царапины.

– Кто же посмел на вас напасть? – пролепетала со смущенной улыбкой, поднялась и принялась отряхивать мятую юбку.

Я что, кокетничаю? Троль меня укуси. Плохая Ава. Очень плохая. Фу!

– Вчера познакомился с одной дикаркой, – туманно пояснил Брендан. И, усмехнувшись над моим обескураженным видом, добавил: – Это не та история, о которой прилично вспоминать в беседе с юной леди, так что... Давайте сменим тему, если вы не против?

– Погода портится, – покорно заметила, скосив глаза в окно.

Питерское небо действительно нахмурилось, словно предвещало проблемы. Одна из них как раз приключалась со мной. Ничего нового.

Я привыкла, что моя жизнь полна происшествий. Магнетизм к разного рода неприятностям передался мне от родительницы (хоть в этом и отец, и мать были солидарны). Уже в год я угодила в свой первый персональный кошмар... Но разговоров об этом все старались избегать.

– Тогда мне стоит поспешить: нужно обойти все корпуса и

представиться персоналу. Рад был увидеть вас, Аврора Андреевна, – тепло улыбнулся свеженазначенный Главный Мастер. – Хорошо, что встретил вас первой. Вы подняли мой боевой дух.

Насвистывая военный марш из какого-то смутно знакомого фильма, Брендан покинул здание. Но, кажется, на весь остаток дня заселился в мои мысли. Круговорот чертовых кудряшек в природе.

Я неспешно выдохнула воздух тонкой струйкой и обвинительно посмотрела на лупоглазого крысолова.

– Тебя я буду лечить особо старательно, – пригрозила пальцем, и тот съежился раза в два. Предвкушал.

Ничего удивительного, что Брендан встретил меня первой. На территории Заповедника, помимо Лечебницы для магических тварей, совмещенной с лабораторией, располагались административный корпус, несколько вольеров для адаптации, пункт приема, реабилитационная зона и парочка помещений для ученической практики. Но все они находились дальше по дороге. А вот целительский пункт стоял у самых ворот. Обусловлено это было... кхм... «случайными происшествиями».

Когда два мира – человеческий и звериный – существуют бок о бок, контактов избежать не удастся. Несмотря на меры предосторожности, то ученики умудряются пробраться в вольер к иглохвостам – а те, хоть и мирные создания, но в целях самозащиты сами кого угодно в дикобразов пре-

вратят. То, наоборот, волшебная фауна топает в Академию. Поди отлови.

Так что, помимо магических хворей вроде выпадения шерсти у шмырлов или отсутствия аппетита у саблезубой тигрицы, приходится лечить ожоги, укусы, обмороки и панические атаки. Иногда добежать до ветлечебницы ближе, чем до больничного отделения в Академии. Так и живем.

Как и при Авроре Мудрой, у нас можно было выбрать специализацию по душе. От теории и истории – до правопорядка и магической дипломатии. С легкой маминой руки в Академии появились и новые направления: целительство магических тварей, сохранение древних видов, адаптация волшебных существ...

Островок былой магии, отделенный от прочего мира – опустевшего, обедневшего... Вот чем по сути сегодня была Санкт-Петербургская Академия. Благодаря восполняемому источнику Сияющей материи (между прочим, озеро на улице по ночам даже слегка светилось! Фантастическое зрелище!) магический фон на территории был необычайно силен. Многие вымирающие виды могли выжить только тут.

Мы же делали все, чтобы создать им комфортные условия. И не быть съеденными невзначай.

Я окинула взглядом пустые полки стеклянного подвесного шкафа. Трольль меня укуси! Или Милли все-таки забыла сделать запрос на новую партию лекарств для магических тварей, или Эстер-Хаз намеренно задерживает поставку! А

за лето наши запасы порядком истощились... Одними травами и диетой всех не вылечить.

Но моя начальница уверяла, что отправила им перечень необходимого... Значит, все-таки Верховный Совет. Черт. Да чтоб у них там нашествие плотоядных шурхов случилось!

За окном пролетела оторванная ветка: поднялся ветер. Громко хлопнули ставни с той стороны, заставив вздрогнуть. (Мы их используем в случае непереносимости света у временных постояльцев. Нечасто, но бывает). Что-то снаружи жалобно заскрипело. Раздался тонкий стон, принадлежавший не то сломанному механизму, не то вполне живому существу.

Да что ж такое! Заповеднику еще и двадцати лет нет, а уже все разваливается!

Набросив кофту, я вышла во двор. Небо успело почернеть. Не я ли полчаса назад любовалась бледным питерским солнцем?

Вдалеке у отцовских теплиц маячил высокий, строгий силуэт. Он приковывал взгляд как-то сам собой, этаким навязчивым магнитом. Не отлипнуть!

Мужчина стоял ко мне спиной и разглядывал Академию. Не двигался и словно бы чего-то ждал. Или кого-то.

Кто это? Ученик, преподаватель? Друг отца или кто-то из магинспекции? Последнее было бы совсем паршиво.

Полы темно-синего плаща – по виду, кожаного – хлопали крыльями летучей мыши. Порывы ветра трепали темные

волосы, собранные в низкий хвост на затылке. Часть прядей выбивалась и вихрем взлетала над поднятым воротником...

Странный какой-то мужик. Точно не местный.

От разглядывания статного незнакомца меня отвлек повторившийся стон. Всего в паре шагов от меня, в колючих кустах барбариса! Не механизм... Что-то живое пряталось там и просило помощи. Может, даже разумное, раз до ветлечебницы добралось. Я проследила глазами след, оставленный чьим-то брюшком: тут кто-то прополз.

– Эй, малыш... Ты где? – я опустилась на корточки и с опаской заглянула внутрь куста. Беглецы в Заповеднике бывают разные. Некоторые вполне могут оттяпать нос или палец. А другие – и целую голову.

Но следы были маленькие, чем-то напоминающие кротовьи. У нас так выглядят только... Так, стоп. Это ведь не тот, о ком я думаю?!

Я стала активнее продираться сквозь куст и наконец нашла его. Моего шмырла! Почти полностью обескровленного, с запавшими глазками и обреченным взглядом. Который стал еще обреченнее, едва зверек меня заметил и опознал. Ну вот, и этот туда же...

– Я помогу. Тише, тише, – аккуратно взяв в руки безвольное тельце, покрытое короткой дымчатой шерстью, я ободряюще улыбнулась бедолаге. Тот скорбно застонал, сложил сломанные перепончатые крылья и закатил глаза.

Кто мог такое сотворить с драгоценным, вымирающим

видом? Во всем мире осталось не больше двадцати особей Шмырлов Зубокрылых, пять из которых обитали у нас. Я активно занималась восстановлением популяции, но пока терпела неудачи на этом деликатном поприще. И вот... Кто-то обескровил одного из них! Можно сказать, убил!

Погладив слипшуюся шерстку, я прижала чумазого шмырла к груди. Тот еле дышал, а при взгляде на меня грустнел и опять закатывал глазки. Во всяком случае те, что на мордочке. Похоже, я была последней, кого он желал видеть в предсмертный час.

– Ну да, признаю, в прошлый раз зелье вышло неудачным. Но я же для вас старалась. Могли бы и добровольно размножиться в неволе, а не вот это все, – примирительно пробубнила, пытаясь вспомнить особенности разведения шмырлов. Только ведь недавно читала трактат, посвященный их чудодейственной крови...

Да, точно! Она у них необычно густая, вязкая и... еще какая-то. Простое кроветворящее снадобье крохе не подойдет. Ему нужен... Черт, черт! Мысли путались, и я решила, что в любой непонятной ситуации лучше бежать. Куда-нибудь. А потом уже разбираться.

Поэтому припустила в сторону теплиц. В голове крутилось название какого-то растения, но слово никак не желало обрести форму. Троль меня побери, ну вот какой из меня целитель, если я нужную травку вспомнить не могу?

Через пять минут бега я, задыхающаяся и потная, порав-

нялась с силуэтом. Отсюда было понятно, что это не ученик, а мужчина лет тридцати пяти. Выше меня на голову и с такой прямой спиной, как будто его этой выправке с детства учили в каком-то до неприличия приличном заведении.

Что-то в нем настораживало, пугало, заставляло рассматривать снова и снова – крутую линию плеч, крепкую шею, дурацкий короткий хвост на затылке, повязанный лентой (вот кто сейчас так носит?).

Внутри появилось непривычное щемящее чувство, разгоняющее мурашки за ушами. Словно я что-то потеряла. Или нашла. Троль его разберет!

– Усадьба Воронцовых довольно интересна, не правда ли? Давно хотел посмотреть, но не складывалось, – густой голос шел от мужчины. Он почувствовал мое присутствие, но не обернулся. – Что-то в ней волнует и заставляет любоваться. Архитектурное чудо...

– Пфф! – не удержала я градус пафосности момента и понеслась дальше, к седьмой теплице.

Именно в ней хранились самые ценные (читать – запретные) волшебные травы. А мой шмырл начал дышать так тяжело, что сердце сжалось. Он не может умереть! Никак нет! У меня на него большие планы!

Я смахнула с щеки непрошенную слезу и жезлом открыла оранжерею. Благо, на меня запирающие чары в собственном доме не действовали. Вбежала внутрь и принялась суетливо разглядывать полки. Так. Не Монстроглаз, не Трясучка, не

Ублиум Мортис, не....

– Он уже не жилец, мисс, – сухо проинформировали меня через плечо.

– Выйдите! – шикнула на незваного гостя, следом за мной протиснувшегося в теплицу. – Вам сюда нельзя.

– А вам?

– И мне нельзя, – согласно кивнула и продолжила бешеным взглядом водить по стеллажам. Не Эустома Голодная, не Псевдоеж Листошерстный, не...

– Слишком поздно обнаружили, – продолжал мужик свою нотацию. – Кровь почти вся вышла. Дайте этому пареньку помереть спокойно.

– Это самка! Одна из двух! – обиженно шмыгнула носом. – У нее знаете какая воля к жизни? Не знаете! Потому что не пили мое экспериментальное зелье и...

– Вам так дорог этот зверек? – с любопытством уточнил голос за спиной. Я на мужчину не смотрела – некогда. Травка, травка... какая же мне нужна?

– Дорог, да, – пробормотала отрешенно. – Их очень мало осталось. Мы должны сохранить вид любой ценой. Ну и... просто так – тоже дорог. Прикипела.

Было стыдно признаваться, что я даже имена им дала. Правда, путалась все время. Это была то ли Хлоя, то ли Жюли. У них обеих лоснящаяся серая шерстка отдавала благородной синевой, а на перепончатых зубастых крыльях имелись характерные голубые разводы.

Когда с детства живешь в заповедной зоне, волей-неволей начинаешь воспринимать животных как братьев по разуму. Младших. Сильно младших и крайне мохнатых братьев, да.

– Шмырл не очень-то рад вас видеть, судя по взгляду, – добил меня обнаглевший чужак. – И предпочел бы умереть спокойной смертью.

– Не дождется. И не таких упрямцев выхаживала. У меня это наследственное, – я все-таки подняла на него взгляд. И тут же опустила. Ух, какие глаза! Серые, умные, искристые. Словно в них разрастается ледяное пламя. – Так, отойдите... За вами полки не видно. Надо только вспомнить, что я ищу. И тогда все обязательно найдется.

– Ну... вспоминайте, раз такая умница, – бросил мужик и оперся плечом о стойку стеллажа.

Отец меня убьет, когда узнает, что я впустила чужака в его святая святых. Но вариантов не было: магическое существо, дрожащее в моей ладони, сейчас было важнее. Да и ректора пока нет в Академии. Как всегда, застрял в очередной командировке.

– Кровопотеря у шмырлов... Кровопотеря у шмырлов... – бубнила под нос, осматривая полку за плечом мужчины. Пришлось встать на цыпочки: высокий, гад. – Я читала, что их кровь особенная...

– Синяя и густая, – подсказал тип. Он со смущающим интересом следил за моей умственной работой, выдаваемой морщинками на лбу. – Кто-то сделал ее жидкой, чтобы быст-

рее набрать. Взял, сколько успел – скорее всего, на продажу, – и бросил животное умирать.

– Как подлю! Хорошо, что неподалеку от Целительского корпуса...

– Вам нужно нечто сгущающее кровь и одновременно восстанавливающее магический резерв. Думайте.

– Вы что, экзамен тут решили устроить?! – рявкнула негодующе. – Мне в жизни одного любителя нудных нотаций хватает. Того, который папа. А у меня еще крестный есть, Фридрих, – тот похуже будет. Так что, если знаете, просто подскажите.

– Вряд ли здесь найдется Эхеверия Камнекровая, – с ноткой сожаления произнес мужчина, и пазл в моей голове сложился.

Точно! Эхеверия! Как я могла забыть?

Сбивая на своем пути лейки и ящики с садовыми инструментами, я понеслась в дальний угол, к нише с опасными суккулентами. Чтобы папа – и не завел редкую Камнекровую? Не поверю. Он бы себе такого упущения не простил.

Где же ты, Эхеверия?

– Нашел. Ее переставили в тень. Давайте сюда вашего шмырла, – сухо скомандовал мужчина и, не дождавшись разрешения, отнял зверька от моей груди. – Ваше упрямство выйдет боком. Дайте.

Я заставила себя разжать пальцы, и теперь просто наблюдала, как незнакомец отрывает несколько мясистых листьев

от голубого суккулента и сует в рот помиравшей Хлое. Или Жюли.

– Вот. Если еще не слишком поздно... – он хмурился, словно был чем-то недоволен. – Раньше их было как крыс или летучих мышей. Шмырлов считали вредителями, переносившими опасные магические хвори, и уничтожали. А теперь вот – редкий вид. Поразительно.

– Доуничтожились, – пробурчала, забирая зверька обратно.

Шмырл в моих руках затих, увлеченный методичным разжевыванием листа. Со сложенными крыльями он напоминал крота, только вместо двух слепых глаз у него было четыре. И все видели отлично. Правда, одна из пар располагалась... сзади.

Слыхали шутку про глаза на филейной части? Так вот, никакая это не шутка. Случается, но не лечится. Знакомьтесь, Шмырл Зубокрылый. Да-да, «оно» еще и летает, и кушается... в полете.

– У местного садовника неожиданно хорошая коллекция, – мужик цепко огляделся, кивая каким-то своим мыслям.

Монстроглаз на него недобро покосился, но тут же отвернул все свои глаза и даже клиновидными листьями отгородился. Позер!

– «Садовника», – профыркала, вспоминая демоническую наружность владельца оранжерей. – Кто вы вообще такой?

– Узнаете своим чередом. Перед младшим персоналом я отчитываться не стану, – выпрямился мужик, и моя благодарность к нему тут же растворилась в облаке раздражения. – Это, конечно, пока не мое дело, но вам следует привести одежду в порядок. И существ, насколько мне известно, запрещено выносить за ворота Заповедника. Рекомендую вернуть его на место, пока у вас не возникли проблемы, мисс.

Облако раздражения внутри стало таким едким и токсичным, что я закашлялась.

– Вот вас забыла спросить, мистер!

В конце концов, я у себя дома, а он... Трольль знает, кто он такой. Вообще не из наших! Будь он миротворцем, кем-то из Совета или папиным знакомым, я бы узнала. А этот...

Одно слово – чужак.

Нос с небольшой горбинкой, придающей лицу нотку высокомерия. Твердая линия подбородка, скрытая под трехдневной щетиной. Раздражающе прямой взгляд, четко очерченные губы и брови... Парой штрихов художник бы не отделался.

Несколько непокорных темных прядей выбилось из прически из-за ветра и теперь нахально падало на лоб, прикрывая правый глаз. И такой был у него уверенный в себе вид, что хотелось то ли ногу отдавить, то ли в кофе плюнуть. И это как минимум.

Сначала я решила, что длинный кожаный плащ – это совсем уж... архаично. Но сейчас готова была признать: с уче-

том переменчивой петербургской погоды, это вполне практичное решение. А поднятый ворот просто защищал от ветра. Вероятно, этот маг живет где-нибудь на Юге и немного шокирован местным климатом.

Мужик задумчиво порылся в кармане и выудил оттуда старомодные серебряные часы на цепочке. Придирчиво их изучил и, быстро кивнув мне, зашагал по направлению к Академии. Я же переложила бедолагу-шмырла в карман юбки и принялась запирать седьмую теплицу. Авось пронесет, и отец не узнает, что я взялась за старое.

Глава 3. О личном, общественном и всяких гоблинах

Несмотря на разжеванный листик, Хлоя-Жюли выглядела не очень. Чуть бодрее, чем раньше, но все же... паршиво. Как на зло, теле-маго-граммы я отправлять пока не научилась, и где искать Брендана или хотя бы Милли – не представляла. Ну ничего, я вполне могла справиться самостоятельно.

Я не придумала ничего лучше, чем отнести шмырла в больничное отделение Академии. Главная целительница, госпожа Пламберри, хранит там кое-какие фирменные снадобья и мази, которые животным не выдают. Но я и не собиралась их просить... Мари еще в отпуске, а спасти малыша нужно немедленно. Не до бумажной волокиты!

Силуэт незнакомца скрылся за дверью главного здания Академии. К прискорбию, мне нужно было туда же, и я пропустила по дорожке.

Бойз понуро семенил рядом и тяжело пыхтел, всем видом осуждая мой план. Он меня с первых месяцев жизни нянчил. И сейчас, похоже, занимался тем же самым. Не верил, что я не натворю глупостей.

Но мой полный песец не знал главного. Передо мной стояли целых две задачи. Во-первых, вылечить бедолагу шмыр-

ла. Во-вторых, сделать это максимально тихо. Так, чтобы как можно меньше людей узнало о происшествии на территории Заповедника.

Теория чужака о циничном негодяе, решившем подзаработать, была логичной. Правильной. И все-таки что-то не складывалось... А предчувствие меня обычно не обманывало.

Да, чешуя, кровь, перья и шерсть вымирающих видов – ценнейший товар на черном рынке Эстер-Хаза. В них содержится древняя магия, без них не провести многие забытые ритуалы... Сажель, моя некогда саблезубая тигрица, именно так и лишилась своих клыков – из-за жестоких браконьеров.

Но в Заповеднике хорошая защита, отец сам развешивал артефакты и оплетал территорию чарами высшего порядка. Какой-нибудь бедный студент их не снимет!

Я резко остановилась: поняла, наконец, что меня смущало. Беспринципный вор предпочел бы замести следы, а шмырла подбросили прямо к двери ветлечебницы! Живого, хоть и ослабевшего. А значит... кто-то хотел, чтобы его нашли.

Если бы шмырл не отполз в кусты, бедолагу обнаружил бы Брендан, начав обход вверенной ему территории. Дальше, следуя протоколу, он обязан был сообщить о находке ректору, а в его отсутствие – Большому Совету.

Информацию тут же передали бы в Эстер-Хаз, и оттуда прислали бы комиссию для разбирательства вопиющего слу-

чая. Нападение на бесценный вид, в котором каждая особь под учет, – весомый повод для проверки.

Ох... Неужели мамины опасения сбылись, и Верховный Совет претворяет угрозы в жизнь? Если так, то им помогает кто-то из своих... Из наших!

Совершенно сбитая с толку этой догадкой, я влетела в больничное отделение. Тут было пусто и прохладно, пахло сушеными травами и свежестыраным постельным бельем. Ученики пока не успели вернуться с каникул и опробовать друг на друге новые изученные заклятья. Последний день затишья...

– Вот так, малышка, – я переложила Хлою-Жюли на ближайшую кушетку. – Пока госпожа Пламберри не видит, тебе можно тут полежать. Сейчас мы тебя совсем вылечим.

Шмырлиха обреченно охнула и закатила обе пары глаз (задних я не видела, но была в этом абсолютно уверена). Зря она так.

Конечно, у меня случались на поле экспериментов плохие дни. Но я мыслила позитивно и не унывала. Ведь в любой неудаче можно обнаружить и положительный момент. Если хорошенько постараться.

Вот, к примеру, в июле я откопала в старой маминой книжке кое-какой рецепт. Там говорилось, что зелье восстанавливает утерянное. Но не всякую потерю, а только ту, что изначально была создана Сияющей материей мироздания.

Грубо говоря, все, что породила Высшая магия, может

вернуться. Отрасти, если отвалилось. Склеиться, если сломалось. Ну замечательное же зелье, честное гоблинское! Удивительно, как его умудрились забыть!

Я очень старательно его варила – лишь пару древних ингредиентов пришлось заменить на мой вкус. А потом дала выпить Сажельке, моей беззубой тигрице, под видом мясного супа. Я надеялась, что снадобье поможет ей восстановить утерянные клыки и вернуть былую магию. Добра желала! А она обиделась и вот уже месяц не покидала лес. Стыдилась.

Оно и понятно: неприятно, когда даже иглохвосты смеются над твоим полностью облысевшим... В общем, шерсть вывалилась с лучшей ее стороны. Той самой, которой тигрица ранее очень грациозно виляла.

Зато вместо клыков отросли уши. Симпатичные, пушистые, длинные... Красивые уши. Замечательные! Так что зря она расстраивалась. Вислоухих лысых тигриц в природе больше нигде не существует. Единственный, между прочим, уникальный экземпляр!

– Ты опять за свое, Карпова? – прошипели со стороны душевой, и все внутри поджалось.

Гоблинские блинчики! Про Глэдис-то я и забыла.

– Что-то не так? – я выпрямилась стрункой и натянула на лицо вежливую улыбку. Таковую «искреннюю», что скулы свело за секунду.

– Вот ты мне и расскажи, что не так, – тоном кролика-зануды из какого-то мультфильма заявила младшая целитель-

ница.

Судьба! Ну за что, за какие такие прегрешения ты послала мне Глэдис?

Нудная до потери пульса (собеседником, разумеется). Правильная настолько, что зубы болят. Строгая в равной степени к себе и к окружающим... Прямо реинкарнация Карамзиной, только в три раза младше.

Шурхова Глэдис!

А ведь когда Мари достаточно ее натаскает и уйдет на покой, мисс Пиркинс станет тут за главную. И вот как это пережить? Я не готова, тролль меня прибери, к вечному апокалипсису имени занудной Глэдис. Мне контролеров и в семье хватает.

– Пусти, – я с задраннным носом (иначе с ней никак) протиснулась мимо девушки и пошла к кабинету ее наставницы. – Мне нужна фирменная мазь госпожи Пламберри и кое-какие сильные кроветворящие. Иначе шмырл не выживет.

– Нет, Ава! – бронированным танком Глэдис материализовалась между мной и заветной дверью. Сама довольно щупленькая, хоть и высоченная, как жердь. С простой, незапоминающейся, но довольно приятной внешностью (когда спит и не умничает). И такая упертая, что с места не сдвинуть. – Во-первых, все лекарства строго под учет...

– Из личного ящика Мари – нет. На то он и личный, – напомнила «коллеге».

– Именно, Карпова! Личный! – задохнулась воздухом Гл-

эдис. – Правила существуют для того, чтобы их соблюдать. Пойми ты уже наконец! Не просто так запрещено магических существ забирать с территории Заповедника. Многие из них – ценнейшие виды. . .

– Я это знаю лучше тебя, Пиркинс.

Бедная. Ей трудно было переварить, что кто-то может бессовестно вторгаться в чужое личное пространство. А я. . . Не сказать, что я была дурно воспитана. Наоборот, слишком хорошо. Я даже фамильное серебро чистить умела: бабушка Ангелика поделилась парочкой фирменных заклинаний. Вдруг пригодятся.

Но если меня чему и научил опыт родителей, так это тому, что не всегда надо следовать правилам. Порой бывает необходимо что-то нарушить, сделав по-своему. Ради спасения мира. Ну, или шмырла, на худой конец.

– Пойми, Ава, кто-то может захотеть выдрать клочок шерсти или взять унцию крови, – продолжала увещевать Пиркинс. – У нас учатся и бедняки, и просто засранцы. Я не говорю, конечно, что ребята из магических приютов, получившие именную квоту княгини Карповской, все сплошь воры и разгильдяи. Да и не мне их судить: сама здесь милостью Анны Николаевны. Но. . .

– Глэдис! – перебила, сжав ее костлявое плечо. – Мне нужно помочь шмырлу. Сейчас. Давай я послушаю твои нотации после перевязки?

– А ты в курсе, что этот твой шмырл кусается? Не толь-

ко ртом, но и, шурха тебе в компот, Карпова, крыльями! – моя коллега воинственно сдула со лба русую челку. Она не собиралась так просто сдаваться. – Существо может кого-то цапнуть. И это вторая причина, по которой запрещено...

– Глэ-э-эдис... – умоляюще застонала, посильнее тряхнув коллегу.

– После мятежного побега иглохвостов я всю ночь оттирала зеленую слизь с пола и вытаскивала иглы из пострадавших! – припечатала младшая целительница.

Я удивленно подняла бровь: таких подробностей «мятежного побега» я не знала.

– Соболезную. Но мы-то со шмырлом тут причем?

– Ты причем? Ты, Карпова, причем?! – Глэдис позеленела, как та самая слизь. Злилась. – Ты сеешь шурхов хаос!

– Да вовсе нет...

– Знаешь, почему сбежали иглохвосты? Они искали свою мать, – шипела негодуяще Глэдис. – Которую ты, Ава, вот точно так же унесла на перевязку. Сюда!

– Мне нужна была «Сомния». Это слишком дорогое зелье, и животным его не выдают, – я пожала плечами и насупилась. Ну вот что она, правда, что ли, не понимает?

– Потому что оно для людей!

– Вот превращу тебя в камнехвоста и посмотрим, как ты заговоришь.

– Ну давай, преврати, – Глэдис надулась как рыба-шар и шумно засопела.

Я тяжело вздохнула и закатила глаза. Нечего воспринимать все так буквально! Конечно, это была пустая угроза. Трансформировать живые объекты я не умела, да и подобные заклятья были строго запрещены в волшебном сообществе. А в магтрибунал мне пока не хотелось.

– Если ты немедленно не унесешь свою шмырлиху, я пойду к княгине.

– Ябеда! – фыркнула обиженно.

– Нет, Ава. Не ябеда, – Глэдис покачала головой. В ее глазах стояли слезы. Троль знает, о чем она сейчас думала. – Знаешь, у меня ведь нет связей, сильной магической капли, особого дара или каких-то иных уникальных способностей. Я была уверена, что меня не возьмут никуда. Не поверила, когда председательница Совета предложила после учебы работу здесь. Вторым лекарем, Ава! Я не могу потерять это место. Просто не могу. Я ее не подведу: я обязана княгине.

– Председательница сама нарушала правила множество раз, – вкрадчиво поведала я. Информация о бурной молодости моей матери считалась совершенно секретной, но мне нужен был хоть какой-то козырь.

Взяв девушку за руку, я подвела ее к кушетке с пострадавшим. Положила холодную ладонь на крошечное мягкое тельце. Ну же, Глэдис, сдавайся. У тебя же не каменное сердце. Так, просто корочкой покрыто. Проковыряем сейчас аккуратненько и все.

– Знала бы ты, что она творила в нашем с тобой возрасте.

А эта шмырлиха – невинная жертва злоумышленников. Тех самых, что копают под княгиню и ее Заповедник... Если мы тихонько не вылечим малышку, то сюда пришлют комиссию и у моей матери будут проблемы. Понимаешь? А у меня в Целительском корпусе пустая аптечка, Глэдис. Вообще пустая. Кто-то очень хорошо постарался.

Пиркинс качала головой, поглаживая шмырла. Она девушка неплохая на самом деле, просто есть в ней качества, которые раздражают. А так – даже хорошая. Я знала, что она любит животных. И ко всему прочему, жутко застенчива в обществе мужчин. Краснеет как помидор каждый раз, когда лечит раны старшекурсникам.

– Говоришь, не выживет? – тихонько переспросила коллега. Я кивнула. – Ладно, только сама. Я не могу в этом участвовать. Пойду... чаю попью на кухне.

Полчаса и десяток манипуляций со склянками спустя шмырлиха выглядела вполне сносно. По тому, как шустро забегали все ее глазки в поисках укрытия от ужасной меня, поняла: жить будет. Возможно, даже в лесу, под боком у оскорбленной Сажельки. Если получится сбежать.

На всякий случай, накинула на кушетку восстанавливающий купол. Человек преграду почти не ощущает, а вот мелкому животному «энергетический забор» не по зубам. Даже если они на крыльях.

– Есть кто? – вместе с оглушающим хлопком двери разнеслось по палате.

– Если ты не умираешь, тот тут закрыто, – флегматично отозвалась я.

– Умираю, – обнадежил наглый вторженец, и пришлось обернуться.

Моя тяга помогать другим не позволяла игнорировать того, кто попал в беду. Даже если он и выглядит, как надменный индюк.

Но почти сразу же из меня вырвался выдох разочарования. Парень как парень. Совсем даже и не умирающий.

– От скуки...

– Пффф... Тогда выход там, – я кивнула на все еще распахнутую дверь. – Тут тебе не цирк.

«А то, что похоже иногда на балаган, так это издержки профессии».

– Принес медкарту, – равнодушно пояснил наглец.

Эх, где же Глэдис, когда так нужна? Она бы его мигом научила и двери за собой закрывать, и обращаться вежливо. Правда, сначала бы покраснела перезрелым томатом.

Парень был симпатичный. Высокий, худощавый. Несмотря на отсутствие показного рельефа мышц, ощущалась в нем внутренняя сила. Такая, какая бывает, если в чародее проснулась не только обычная магия, но и особый дар, присущий лишь представителям древних родов. Я это всегда видела. Наверное, потому, что мой собственный «особый дар» дрых сладким сном. Предатель!

– Брось на ту кушетку, я занята, – пробурчала, прикрывая

собой шмырла. Лишние свидетели мне ни к чему. – Новый ученик? Староват ты для первокурсника...

Длинная русая челка застилала ровный лоб и падала на глаза, но не мешала парню придирчиво меня рассматривать. И едва заметно кривиться.

Ну... да. Я ведь проползла в кустах барбариса не меньше метра, так что юбка была сейчас больше черной, чем голубой. Потом меня немножко запачкали папины растения. Потом я слегка облилась снадобьями: не все из них Хлоя-Жюли соглашалась выпить добровольно.

На рукавах красовались несмываемые синие пятна: умудрилась задеть Паслена. Тот при виде меня пришел в ужас и начал защищаться, как умел. А вот липкая субстанция, растекаясь под воротничком, – слюна Монстроглаза. Он так здороваётся, так что нет смысла обижаться...

– Я на шестом. У меня хорошие связи.

– У меня тоже неплохи-и-ие, – протянула задумчиво, втайне надеясь, что эти «связи» застрянут в командировке на подольше.

Была у меня кое-какая задумка, обязанная помочь возрождению популяции Шмырлов Зубокрылых. Но для ее реализации мне нужен был свободный доступ в папины тепличные закрома и отсутствие демонического надзора.

Надо признать, что приворотные снадобья для существ, используемые в Эстер-Хазском Заповеднике, на шмырлах отчего-то не работали. Мохнатые негодники продолжали

уплетать салатные листья, щедро сдобренные «Животной страстью», не обращая никакого внимания друг на друга. А слопав все, просто заваливались спать кверху мохнатым пузом. Ну точно недавно отметили десять лет супружеской жизни!

Я на днях изучила состав и все поняла: для «Животной страсти» использовались дешевые ингредиенты, что продаются в любой магической аптеке. А шмырлы – существа древние, как морфы, русалки и ламбикуры. Нельзя к ним вот так, по-простому и без уважения. Вот если приворот для тварей скрестить с похожим человеческим, да подревнее...

– Проводи-ка меня к своей начальнице, милочка, – вырвал из великих планов хриплый хамоватый голос. – Не похожа ты на старшую, а мне надо обсудить кое-какие нюансы, связанные с моей... природой.

– Госпожа Пламберри в бессрочном отпуске, младшая целительница чаевничает на кухне, но тебе туда вход закрыт, – я извлекла из себя очередную вежливую улыбку. Такими темпами они у меня закончатся еще до вечера. – Так что или знакомь со своей потрясающе интересной природой меня, или приходи завтра и предъявляй ее мисс Пиркинс.

– А ты забавная, медсестричка, – хмыкнул наглец и сделал пару шагов ко мне. – Так сразу готова знакомиться с моей... кхм... «природой»?

– Исключительно в научных интересах, – я вздернула бровь. Что он там себе вообразил? – И я не «медсестричка».

– А кто ж еще? До начала занятий еще целые сутки, значит, не ученица. Судя по наряду, из младшего персонала. Имеешь доступ в больничное отделение – стало быть, из целителей, – он бесцеремонно уселся на соседнюю койку и задрал голову к потолку, обнажая острый кадык. – Вывод: работаешь медсестричкой...

– Я хотя бы работаю, в отличие от некоторых Шерлоков Холмсов, праздно шатающихся по Академии и мешающих честным сотрудникам...

Ну, может, и не самым честным. И не совсем сотрудникам. Но мешающим!

– Устал, – заваливаясь всем телом на выглаженную простынь, признался парень. – Я только под утро вернулся с бала.

– Сочувствую, – неискренне проворчала я, отворачиваясь к шмырлихе.

– Тебе бы там понравилось. Живой оркестр, цветы, звездное небо над головой... Будешь паинькой, так и быть, свожу тебя на танцы.

Я нервно дернулась. Не от смешного предложения (на танцы я и сама себя сводить могу, не маленькая). А от вот этих вот «цветов» и «звездного неба».

– Ты был на балу? – глупо переспросила, возвращая глаза на новенького. И по-новому его разглядывая. Высокий, крепкий... И голос хриловатый, будто простуженный, что весьма странно для молодого здорового парня. Такой, слов-

но он половину ночи кашлял.

– Я уже сказал, что был, пташка.

– Почему ты меня так назвал? – я раскраснелась нешуточно.

Троль побери, не может же быть, что это он спас меня от хищного бутона? Хотя... Вообще-то он больше напоминал Павлина.

– Ты похожа. Смешная, суетливая, растрепанная и все время хохлишься, – устало пояснил парень. – В Оранжерее Вяземских была бы как дома.

– В Оранжерее...

– А ты не очень быстро соображаешь, да? – пришел к неутешительному выводу наглец. – Я был там с отцом. Пока он налаживал старые связи, рассыпавшиеся в пыль после нашего переезда в индийскую глушь, я знакомился с милыми дамами.

– И какой на тебе был костюм? – перешла сразу к важному.

– А тебе-то чего?

– Просто любопытствую.

– Самый интригующий, – он подмигнул мне зеленым глазом. – Я, между прочим, граф... Дед не слишком-то жалует нашу семью, но титул отобрать не может. Не имеет права. Хоть и делает все, чтобы не иметь с нами ничего общего...

Он резко замолчал, словно сболтнул лишнее. Сейчас парень казался серьезным. И злым. Что это за родственники

такие, что отказались от сына и внука? Мне было странно слышать подобные истории: я выросла в любви и не знала недостатка в заботе.

– Забудь.

– Я и не собиралась запоминать. Тем более, титулы магов-аристократов собираются упразднить. И тебе будет нечем хвастаться.

– Вам, деревенским работягам, этого бы, конечно, хотелось, – колюче бросил парень, подобравшись всем телом. И, разглядев шмырла, добавил: – Так ты по животным... Людей тебе не доверяют?

– Будешь много умничать, вколю тебе фирменные транквилизаторы госпожи Пламберри. Они одинаково хорошо действуют и на камнехвостов, и на троллей вроде некоторых.

– Не боишься дерзить, милочка? Я наполовину принц по магической крови.

– А на вторую – гоблин?

– Чего? – он вскочил с койки и ошетинился диким зверем.

Задела, видимо, за больное.

– У тебя кожа зеленцой отдает...

И я вовсе не издевалась: кожа парня отсвечивала бледно-зеленым. словно ее припудрили изумрудной пылью. Может, он и правда умирающий, а я тут с ним болтаю?

– Эй-эй... стой. Ты чего творишь? – насторожился парень, едва я направила на него искрящийся синим именной жезл. А таким смелым казался еще секунду назад.

– Диагностика. Экспериментальная.

– Вот на слове «экспериментальная» попрошу поподробнее... – пробормотал он, делая пару шагов назад и упираясь лопатками в стеллаж со снадобьями. Попался.

– Не бойся, я много практиковалась на живых.

– Ты практиковалась на саберах и иглохвостах. А я человек. По большей части.

– Ошибаешься, – с успокаивающей улыбкой похлопала его по плечу. – Практиковалась я на людях. Их не так жалко, если что-то пойдет не так. А ты и правда зеленый. В обморок не упадешь?

– Со мной иногда случается.

– Обмороки?

– Зелень! – отпихнув меня в сторону, зло бросил парень. – Это генетическое, ясно? Наследственность!

Он швырнул папку на стол и размашистыми шагами вышел вон. Сбежал. И почему от меня все драпают, как ужаленные?

Точно у него в роду гоблины были. Вот характер и мерзопакостный. Я приоткрыла папочку: гляну одним глазком. Проверю наличие гоблинской крови.

«Эйнар Дорохов, в рождении граф Дорохов, магия раскрыта.

Отец – Елисей Дорохов, в рождении граф Дорохов, магия раскрыта. Особые пометки: высокое содержание королев-

ской крови.

Мать – Марта Эмеральд, в супружестве – графиня Дорохова, прикреплена к родовому древу Дороховых. Особые пометки: дриада-полукровка. Магия присутствует. Тотемное дерево – липа».

Так вот, какие «нюансы, связанные с природой»... Он полукровка! Помесь мага и волшебного существа!

Теперь понятно, почему род от него открестился: полукровок в высшем магическом свете не жалуют. Снобы, что с них взять. Не зря мои мать с отцом стараются не иметь ничего общего с закаменелой аристократией.

Но эти Елисей и Марта еще и подлили масла в огонь... Вот кто в здравом уме назовет ребенка Эйнар? То-то у него самомнение, будто он эльф какой, а не обычный ученик!

Глава 4. О вреде купания в преподавательской ванной

Едва гоблин-полукровка ушел, я смогла вернуться к собственным мыслям, которые этот грубиян взбаламутил. И вроде бы обещала себе не думать о вкусно-пахнущем-волчке, но все равно скатывалась каждую минуту к его лохматой персоне.

Кто же скрывался под маской? Юноша или взрослый мужчина? Случайный гость или завсегдатай балов для аристократов?

Шмырл окончательно задремал, окатив меня напоследок какой-то дурно пахнущей фиолетовой субстанцией. Я не успела заметить, откуда она на меня брызнула, и сейчас предпочитала оставаться в неведении.

– Кто же мог такое с тобой сделать? – вслух спросила у дрыхнувшей Хлои-Жюли. – Знал ли он, что практически обрекает на смерть одну из двух половозрелых самок, или просто схватил первого попавшегося зверька?

Шмырлиха не ответила. Несмотря на заявленную половозрелость, размножаться она категорически не желала. Ее вообще все устраивало. Может, она и не знала, что ее кровь стоит в два раза дороже драконьей и используется в древнейших зельях, очень важных для волшебного сообщества. Ка-

кое ей, впрочем, до того было дело?

Я почесала затылок: пожалуй, мне не хватает самокритичности. Обозвала Эйнара грубияном, а сама? Даже не поблагодарила незнакомца за помощь. Ведь если бы он не напомнил мне про Эхеверию, все могло окончиться плачевно.

Да, надо было сказать спасибо, но... не умею я. Не в моем характере признавать слабость. Госпожа Пруэтт, мамина подруга и наша преподавательница, говорит, это из-за сильной магической капли. Она внушает излишнюю самоуверенность.

Нацедив себе в чашку фирменного дедовского цветочного сбора – такого ядреного, что слезы выступали из глаз и горло сводило судорогой, – я отвернулась к окну. Потому и не заметила очередного вторжения. И взвизгнула в ужасе, когда на мои плечи легли две знакомые пятерни. Вот ведь... тролль лохматый!

– Арт! Убью! – расплескивая остатки сбора, я резко развернулась к брату с твердым намерением ухватить того за ухо и хорошенько дернуть. Большого вреда я при всем желании не смогла бы нанести парню на голову выше меня. Но отказываться от маленькой мести не в моих правилах.

– У-уй! – взвыл братец, выдергивая ухо из цепкого, годами натренированного захвата. – Я пришел, чтобы ты меня вылечила, а не добила!

– Тогда зачем пугал? Подкрадывался? – зашипела, глядя в черные омуты. Совершенно невозмутимые и не чувствую-

щие себя виноватыми.

Где-то я такие уже видела. Ах да, Арти ведь у нас папина копия. Чертов ксерокс и бабушкина радость во плоти.

– Не мог отказать себе в удовольствии послушать твой визг, обезьянка. Ну так что, оставишь помирать? Или окажешь первую помощь страждущему? – Арт сделал шаг назад и с разных сторон продемонстрировал крепкую жилистую шею со следами не то укусов, не то чересчур страстных поцелуев. Еще один... «страдалец».

И с кем он опять успел повздорить? В романтический вариант верилось с трудом: из девушек и сражений Арти всегда выбирал второе. Да и ровные глубокие порезы на красивом гордом профиле намекали, что речь шла не о любовных играх.

Эх, жаль! Бабушка Энджи так мечтает поскорее заполучить новую партию черноглазых наследников для своего драгоценного княжеского рода... Но где-то в глубине души понимает, что ни на брата, ни тем более на меня рассчитывать не стоит. Не из той мы породы, которая остепеняется, заводит потомство и ставит пополнение фамильного древа во главу угла.

– Что-то развелось вас сегодня... страждущих, – я сердито засопела. «Ни дня без драки» – вот девиз Демона-младшего. И ведь в Академии еще пусто, так нет же! Нашел себе где-то приключения! – Как ты вообще тут оказался?

Я же дверь заперла. Хорошо помню, как замком щелкала.

Потому как ходят тут... всякие гоблины скучающие, настоящих пострадавших лечить мешают.

Арт, конечно, мог войти в любое помещение Академии на правах владельца. Но тогда бы я услышала, как снимаются чары, и...

– Не морщи лоб. Некрасивой станешь, – потрепал меня по щеке брат. – Думать – это не твое, обезьянка.

– Не называй меня так. И расскажи, как...

– Отец, – перебил Арт.

Я вздрогнула и на всякий случай заозиралась. Отец? Где? В Академии?! А я тут со шмырлом в больничном. Тролль побери!

– Отец зачаровал старый амулет Карповских на телепорт в больничное отделение. Сказал, для меня это направление самое актуальное, – хмуро пояснил Арт, и я нервно выдохнула. И чего он так пугает? – Бабушка Эндж отдала дедовский медальон. Говорит, носить некому, на меня одна надежда... Это какой-то намек, да?

– Похоже на то. Ты же лицо рода. Немножко покоцанное, но мы это сейчас поправим. Артур Андреевич, князь Карповский... – растягивая слова, пафосно произнесла я. Но не сдержалась и хрюкнула на титуле, из-за чего вышло что-то вроде «кх-кх-рнясссь».

Брат не обиделся – привык, что я над ним подтруниваю. Как еще развлекаться, когда он – мой, между прочим, близнец! – во всем идеал, от роста до кончиков волос. И даже дар

у него пробудился в шестнадцать лет. Да не один, а двойной!

А я... я... Животных я пугаю своими настойчивыми попытками причинить добро. И это мой максимум!

– Слава троллям, ты не Глэдис, – сипло заметил Арти, задирая подбородок и позволяя обработать новую порцию ссадин заживляющим раствором.

– Не думала, что ты ее боишься, – хихикнула, прижигая жезлом порез на скуле.

– Вот еще! Просто очень рассчитывал застать тебя.

– Арт, я не человеческий врач, – напомнила по привычке. Шансы, что кто-то из моей семьи это уяснит, нулевые. – А на саблехвоста ты при всем желании никак не походишь. Даже на тролля – с натяжкой.

– Зато ты человеческий не-человеческий-врач, а Пиркинс – бесчеловечная, – хмуро объяснил брат. – Она меня заживо погребет под градом своих нотаций.

– А я – нет?

– А ты, как никто другой, понимаешь, что неприятности случаются.

И вот на что он так красноречиво намекает, поигрывая смоляной бровью? Троль разберет.

– Ты моя главная неприятность. Случаешься по пять раз за день. И вечно кем-то подранный. Еще не устал всем вокруг доказывать, что самый сильный? – я привалилась поясницей к подоконнику и придиричиво осмотрела результат своей работы.

Ну... не идеально, да. Со шмырлом я бы, конечно, была аккуратнее: он существо нежное, крошечное и беззащитное. А брату и так пойдет. Все равно завтра придется накладывать швы по новой.

– Должен же кто-то поддерживать мрачную репутацию семьи, пока твой дар спит, обезьянка? – беззлобно фыркнул Арт и щелкнул меня по носу. – Вот, работаю за двоих. Не покладая рук и именно жезла.

Я вяло улыбнулась: день выдался насыщенным, и накопленная позитивная энергия успела рассосаться.

На людях надменный, немногословный, хмурый, загадочный, временами грубоватый и жесткий, вечно со своей кривой ухмылкой... Арти очень походил на нашего отца. Девушки были без ума от брата, но тому было не до амурных приключений. Его больше интересовали битвы. Со мной брат был более открытым и простым, но мало кому удавалось узнать его с этой стороны.

Пари, тайные поединки, постоянные ранения... Словом, Арт был ходячей маминой головной болью. Как любой мальчик, он пытался всем доказать, что лучше всех владеет своим именованным жезлом. И пока, к сожалению, не нашлось равного по мастерству ровесника, способного поставить эту нахальную задн... физиономию на место.

Близнец, совершенно на меня не похожий. Мой самый частый пациент. Мой доблестный брат.

Ему досталась лучшая половина родительских генов. Тем-

ная челка, которую так и хотелось подстричь, падала на лоб, закрывая насыщенно-карие, почти черные глаза. Его жесткие волосы лежали волосок к волоску и почти не путались (если расчесывать хоть изредка, конечно), что вызывало отчаянную зависть. Ведь мои лохматились намертво от любого дуновения ветра! В детстве мама, орудуя в моей гриве щеткой, натурально рыдала. Ну и где справедливость?

Мне же от папы достались лишь острые скулы, вздернутый нос и упрямый подбородок. Ну ладно, ладно! Нос и подбородок у меня в самую себя. Но скулы – точно отцовские.

Меня считали легкомысленной, слишком живой, без меры упрямой, много болтающей и суетливой... Возможно, такой я и была – ровно до тех пор, пока дело не доходило до угрозы жизни какому-нибудь существу. Арт же выглядел сдержанным, серьезным, задумчивым, даже замкнутым... пока не доходило до драки на спор.

А еще временами он бывал жутким язвой. Так и подмывало подсыпать ему в кофе всесторонне расслабляющий порошок!

Брат нахмурился, сдвинув угольно-черные брови к переносице. Опять был чем-то недоволен. Или он мысли мои про расслабляющий порошок прочитал?

– Ты так застыла, словно замышляешь переворот, – поймал меня на горячем любимый брат.

– Всего лишь маленькую скромную диверсию, – я поморщила нос и азартно закусила губу.

Да нет, не мог он прочесть мои мысли! А значит, идея с расслабляющим порошком в силе.

Почему не мог? Во-первых, это просто легенда, что близнецы по магической капле способны проникать в сознание друг к другу. А во-вторых, я недавно у матери позаимствовала фамильный медальон, зачарованный на «Ментальный щит».

Мерзкая Вяземская еще весной грозилась подсыпать мне обезволивающее зелье и заставить влезть голышом в вольер с иглохвостами. Так что к началу учебного года я подготовилась всесторонне. Не нужны мне иголки в... Нигде, в общем, не нужны.

– А ты все еще сохнешь по папиному воспитаннику, этому Хайву? – вздернув бровь, как бы мимоходом поинтересовался брат. – Видел его час назад в административном корпусе. Все так же кудряв и... Эй, что с тобой?

Один – ноль. Ну нет, демоненок, расслабляющим порошком ты не отделаешься...

Живот скрутило, во рту резко пересохло. Вот же гадство! И что со мной происходит?

– И вовсе я не сохну, – проблеяла, растирая стремительно краснеющие щеки. Мол, им так и положено, так и задумано. – Иди уже, Арт, с глаз моих и тоже по кому-нибудь посохни.

– Обойдутся. Буду цвести и пахнуть всем назло, – он задрал руки к потолку, намекая, что готов источать аромат бо-

гов немедля.

Не удержалась, принялась. Вот же фу! То ли до драки он посетил тренажерный зал, то ли кто-то его прилично погонял. Интересно, кто? Готова выразить ему благодарность хоть сейчас.

– От твоего запаха кто угодно сам завянет, – я поморщилась. – Иди в душ, пока мы с Атариной тебя в озеро насильно не запихали и шею не намылили.

– Ничего ты не понимаешь, глупышка. Настоящий мужчина должен пахнуть силой и потом, а не розами. А вот настоящая девушка... – брат проехался по мне глазами и разочарованно покачал головой, всем видом показывая, что мне до настоящей леди – как ему до послушного, тихого мальчика. – Она должна быть чистой. И ароматной. А ты вся в пятнах от... тролль знает чего... и пахнешь чем-то химически-ядовито-лекарственным.

– Завел бы ты уже, правда, себе кого-нибудь, – пробурчала, отходя к дремавшей шмырлихе и поправляя на ней повязку. – Заботиться о ком-то довольно приятно.

– По-твоему, мне мало общения с самыми разнообразными тварями в Заповеднике? Надо еще личную завести?

– Т-тварь? – я опешила. Разбрасываться такими словами как-то слишком даже для брата.

– В наших вольерах предостаточно животных, обязательно тащить всех в дом, – флегматично продолжил брат.

– Я не о питомце, Арт! О девушке!

– Ох, а это еще хуже. С девушками знаешь сколько проблем?

– Лучше привыкать к ним уже сейчас. Постепенно, – показательно дружелюбным тоном заверила я. – Ведь рано или поздно бабушка Ангелика до тебя доберется, и тогда...

Брат резко наклонился, словно заметил пыль на обуви. Черная челка упала на нос, ноздри затрепетали. Разозлился, но сдерживался.

– А у тебя в кавалерах нынче кто – шмырл или иглохвост, обезьянка? – проворчал, перешнуровывая ботинки.

– Оба. Мы гуляем по очереди, – хмыкнула и потрепала брата по жестким волосам. Нечего на меня дуться. – И прекращай звать меня обезьяной.

– А кто ж ты у нас? Суетишься, прыгаешь туда-сюда, не зная, за что первым ухватиться. Вносишь в спокойную жизнь хаос и разрушения... И еще слизь. Очень много слизи...

– Между прочим, обезьяны очень ловкие и цепкие. И если уж они за что-то ухватились, то так запросто не отпустят.

– Ава... – брат поднял черные глаза-бездны и криво ухмыльнулся. – Висеть на трех канатах сразу неудобно даже маргышкам.

– Что ж! Вот и еще один довод в пользу того, что я вполне разумное существо.

Арт поднялся и внимательно взгляделся в мое лицо.

– А вот в этом даже отец временами сомневается. Не делай глупостей, обезьянка. А если уж очень приспичит, зови

меня: будем делать их вместе.

Арт ушел – слава троллям, на своих двоих, а не путем жутковатой телепортации, – но его место тут же заняла Глэдис. Сообщила, что кое-какие ученики уже прибыли, и строгим, не терпящим пререканий тоном велела унести шмырлиху «туда, откуда взяла».

В другой раз я бы заупрямилась, отстаивая права раненых, мохнатых и обездоленных, но сейчас сил не осталось ни на что. И я понуро поплелась к заповедной территории, невольно принохиваясь к своим рукавам. Ну... да. Конкретно эта леди пахнет не розами.

Пожалуй, мне и впрямь следует хорошенько искупаться и переодеться в чистое, пока в Академию не нагрянула толпа. Не дай Судьба в таком виде наткнуться на Вяземскую или Девенпорт! Лохматой, дурно пахнущей и в платье, заляпанном... Да чем только не заляпанном!

Уборная на третьем этаже была забита первокурсниками – извечными спонсорами головной боли моего мрачного папеньки. Так что моей целью стала душевая на четвертом. Но и с ней не свезло: едва открыв дверь, я услышала два знакомых девичьих голоса.

Троль побери! И почему меня не удивляет, что эти тоже решили прибыть пораньше?

Они были хуже насекомоядных либри, снующих повсюду и стрекочущих в ухо. Даже хуже аргентинских плотояд-

ных шурхов повышенной мохнатости, если вы понимаете, о чем я. Энджела Девенпорт и Микаэлла Вяземская – беленькая и рыженькая девицы восемнадцати лет – разносили грязные сплетни по академическим закоулкам, словно токсичное двухцветное облако!

И если Девенпорт (обладательница самого незамутненного сознания и самых светлых волос на курсе) просто от скуки прожигала сытую, богатую жизнь, то хитрозад... просто хитрая Мика совершенно точно знала, что делает, кому вредит и чью руку с азартом покусывает!

Она понимала, что останется безнаказанной. Ведь дед Микаэллы возглавлял Верховный Совет, и я бы никогда не стала на нее жаловаться родителям. Только новых ссор с Эстер-Хазом нам не хватало!

– Входи, Карпова, не стесняйся. Тебе явно нужно отмыться. Стыдно при твоём титуле и положении так пахнуть, – размазывая по губам красную помаду, надменно протянула Мика будто бы на правах хозяйки. А может, она уже и считала себя таковой: ее дед давно мечтал прибрать Академию к рукам. И с каждым годом становился к цели все ближе.

Ну до чего же противная! Темно-рыжая, высоколобая, с вытянутым лицом, до подбородка усыпанным бледными веснушками... К прискорбию, внешне это ее не портило. Вся гадость скрывалась внутри, под слоем косметики и двойным дном из улыбчивого лицемерия.

– Зайду попозже. Не усердствуй с пудрой: зеркало на тебя

уже косо смотрит, – попятившись, я вышла в коридор. Сегодня явно не тот день, когда я готова состязаться с Вяземской в остроумии.

Трудно вспомнить, с чего началось наше противостояние. На третьем курсе Мика даже пыталась завести со мной «выгодную дружбу», но не срослось. У меня уже были подруги. Целых две.

Первая – умница Джиллиан из опального рода Кавендишей, которым до сих пор припоминали их грехи. Так уж вышло, что ее прадед Лукас как раз и возродил ужасного и бесштанного Блэра. А дядя Киван, погибший в одной из битв, едва не лишил жизни нескольких человек, в том числе мою мать.

Но это было очень давно! Ее отец Питер – добрейшей души человек и занимается фермерством. Поставляет уникальные продукты для нашего волшебного зверья.

Вторая подруга – Софи, полукровка, дочь нашего декана Осворта. Девушка она необычная. Хоть никто и не знает ее секрет, многие подсознательно сторонятся, ощущая хищные гены в застенчивой тихоне.

Мы с детства не разлей вода. Пункт Связи бабушки Джулс для всех трех – что второй дом. Но зубастая полукровка и опальная леди никогда бы не прошли конкурсный отбор за право дружить с самой Вяземской, поэтому мы не стали даже пробовать. За что и расплачивались временами.

Выкинув из головы Микаэllu, я пошла в противопо-

ложное крыло. Туда, где располагались личные кабинеты и спальни преподавателей. А еще там находилась старинная купальня, доступ в которую имел только старший персонал.

В свое время графиня Воронцова прилично оторвалась, обустроив в усадьбе целую СПА-комнату для магически роскошного омовения. С бассейном и всякими доисторическими предками джакузи. Путь мой лежал туда. Душа требовала отдыха, покоя и ароматных пузырьков.

Привычки профессоров и деканов были мной давно изучены. В этот час в преподавательской ванной никогда никого не бывало. А значит, я вполне могла позволить себе искупнуться с комфортом вдали от чужих глаз. В конце концов, я у себя дома или нет?

Стукнув именованным жезлом по двери, я просочилась сквозь запирающие чары. Снять без академического ключа я их не могла, но это и не требовалось. Дом сам всегда впускал меня, достаточно было вежливо попросить.

Я сделала шаг в темноту, и дверь мягко захлопнулась за моей спиной. Раздался шепот возвращающихся на законное место чар. Вот и славно: теперь со стороны выглядит, будто внутри никого нет.

Ногой стукнула по напольной лампе, и помещение залило тусклым голубоватым светом. Чтобы разжечь по сильнее, требовался высший доступ, но мне и так было нормально.

Я в купальне прекрасно ориентировалась: все лето принимала тут ванны, а ночами приводила Джил и Софи. Мы

обожили плескаться в круглом бассейне, оставив бортик свечами. Гадать, рассказывать страшилки и строить замки из плотной розовой пены...

Правда, последний месяц Софи игнорировала наши посиделки, ссылаясь то на головную боль, то на сонливость. И вообще избегала встреч на территории Академии. Словно кого-то здесь боялась. В этом еще предстояло разобраться: с началом учебного года Софи должна появиться на занятиях. Если ее кто-то запугал, будем бороться вместе!

Почему-то мне дико захотелось бурлящего бассейна и плотной пены, пахнувшей розами. Я привстала на помост, украшенный золотой мозаикой, перегнулась через бортик и открыла несколько вентиляей.

Вода стала набираться, и я щедро сдобрила ее несколькими шампунями из ниши в стене. Флакона три опустошила: ароматной пены много не бывает! Может, и на меня правильный запах перекинется? Смогу выдавать себя за идеальную леди.

Всю свою одежду я свернула в узелок и кинула в магконтейнер для грязного белья. На той стороне разберутся, можно ли это отстирать или проще уничтожить. Если есть шанс на спасение, то чистое платье ко мне вернется. Но слишком больших надежд я не питала.

Я аккуратно разложила на бортике чепуху из карманов, именной жезл и мамин медальон и спустилась в бассейн. Ох... Блаженство. Но длилось оно, к прискорбию, недолго.

Только сейчас, погрузившись по самую макушку в теплую бурлящую воду, я смогла признаться себе, как сильно переволновалась. И это чувство мне решительно не понравилось.

Последние часы я действовала словно на автопилоте – ругалась с Глэдис, перевязывала шмырла, спорила с братом, общалась с зеленым полукровкой... А сейчас вдруг схлынули все завесы и внутренние блоки, обнажив дурное предчувствие, холодящее позвонки на пояснице. Вот лучше бы они и дальше висели, эти блоки, честное гоблинское!

Я не трусиха, отнюдь. Страх – это вообще не про меня. Но потерять одну из двух самок... Мои мечты, стремившиеся к разведению древних видов в неволе, рухнули бы в один час!

На секунду даже показалось, что тот, кто ранил Хлою-Жюли, неплохо меня знал и выбрал ее из личной мести. Намеренно подбросил зверька к Целительскому корпусу, предварительно опустошив аптечку, чтобы я увидела крушение своих надежд. Чтобы наблюдала, как они тонкими струйками разжиженной синей крови впитываются в заповедную землю.

Мне стало по-настоящему не по себе. Впервые за долгое время. Я оттолкнулась от бортика и ушла на глубину. Гул в ушах привычно отрезвлял, успокаивал. Я была в своей любимой стихии, и вода знакомо ласкала кожу, утешая...

Кто же ты, тайный вредитель? Вор, охотящийся за редкими товарами для черного рынка? Человек Верховного совета, пытающийся навести тень на наш Заповедник? Или пер-

сональный враг, жаждущий убить мои мечты? Целых три теории, которыми следовало завтра же поделиться с матерью. Сегодня у нее и без меня забот достаточно.

Выныривать не хотелось, но воздух заканчивался, так что я оттолкнулась от дна и поплыла к поверхности. До сих пор не понимала, как на четвертом этаже обычной с виду усадьбы удалось сотворить столь глубокий бассейн, который наполнялся так быстро. Магия, не иначе!

Пена над головой рассеялась, обнаружив смутную тень. Словно кто-то перегнулся через бортик и вглядывался в бездну вод. Похоже, у меня на фоне переутомления начались галлюцинации.

Сделав еще два гребка к поверхности, я вынырнула, разбрызгав остатки пены. Рвано вдохнула. Пискнула испуганно. Мать божья! Неловко прикрылась ладонями. И камнем ушла обратно под воду.

Троль меня укуси! Смутная тень была более чем материальной! Перед тем, как в ужасе зажмуриться, я успела заметить, что силуэт тоже шарахнулся в противоположную сторону.

Даже обидно стало. Потому что из нас двоих монстр точно не я! И чего, спрашивается, шарахаться?

От возмущения воздух, набранный второпях, закончился за полминуты. И пришлось робко высунуться на поверхность.

– А вы чего от меня так шарахаетесь? – поинтересовалась,

выныривая носом из пены.

Во-первых, лучшая защита – нападение. Во-вторых... правда, обидно как-то. Я ведь совсем не страшная. Мне, между прочим, и удирающих в панике крысоловов хватает для болезненных ударов по самооценке!

– Решил, что вы сирена и планируете утянуть меня на самое дно, – настороженно заявил мужик, появляясь из сумрака и собирая на лице блики от голубой лампы.

Вполне узнаваемый мужик, между прочим. Тот самый, что любовался усадьбой Воронцовых и помог мне с бедолагой-шмырлом. Раз он сумел войти, значит, ему дали ключ, положенный старшему персоналу. Да морфову ж бабушку!

– Я не сирена. Я Ава. Я тут живу.

– В бассейне? Меня, вероятно, забыли предупредить о второй...

Он бесстыдно перегнулся через борт в попытке разглядеть хвост. Но, видимо, разглядел что-то другое, потому что как-то нервно кашлянул, сжал челюсть и зачем-то махнул ладонью. Пена вдруг стянулась со всех концов бассейна и обволокла меня по самые уши, превращая в мыльного снеговика.

– И его окрестностях. Местная я, понятно? – профыркала, отплевываясь от лезущих в рот пузырьков.

– Вы сюда так пришли? – он огляделся и, не найдя одежды, нырнул взглядом под пену. Там он, судя по судороге, снова пробежавшей по скулам, моей одежды тоже не обнаружил.

– Выбросила в магмусорку, – призналась ему загадочным

шепотом. – Запачкалась. Очень.

– И не позаботились о сменной одежде? Или планировали позаимствовать чужую из комнат учениц?

– Да за кого вы меня принимаете? – пена забила в открытый рот, но я и не думала ее выплевывать. Зависла от удивления.

– За наглую деревенскую девицу, подрабатывающую в Заповеднике и решившую, пока не объявились ученики, устроить себе СПА-курорт. За взломщицу, тайно проникшую в закрытое помещение, запрещенное к посещению.

– Интересная версия, – я азартно кивнула. – А вы всегда такой?

– Строгий? Да. Вылезайте и пройдем к хозяйке Академии. В отсутствие ректора все вопросы решаются через княгиню Карповскую.

– Нудный, – поправила виновато. Как ни крути, а льстить я не умела. Не научена. Привыкла называть вещи своими именами. Кроме случаев, когда очень нужно было соврать. – А вы ведь не такой уж и старый. Рановато начали.

Не стала объяснять, что сменное платье я планировала попросить у фамильного морфа. Этот мохнатый вредина верой и правдой служил роду Карповских добрые три сотни лет. И на мой зов прилетал быстрее теле-маго-граммы-молнии.

– Но сначала вы подробно расскажете, как сюда проникли, – продолжал обрисовывать «радужные перспективы» незнакомец. – Каждому преподавателю дан академический

ключ. Посещение купальни строго индивидуально, дверь закрывается сама, впуская гостя. Но за вами не заперлась. Когда я входил, защита стояла на месте. Весьма... кхм... необычная магия. Или вы скажете, что Анна Николаевна сегодня лично дала вам разрешение купаться в преподавательской ванной?

– Не давала, – горестно вздохнула. – Сегодня – нет. Начало учебного года и прочее скучное «бла-бла-бла».

– Хорошо, что хоть в этом вы сознались.

– Слушайте, может, как-то сами решим этот вопрос, без участия Анны... кхм... Николаевны? Ей сегодня точно не до меня. Давайте так: вы на меня громко поорете, а я с максимально виноватым видом принесу свои извинения?

– Нет, мисс, так это не работает, – мужик насмешливо согнул бровь. Что ж, они у него гнутся – уже прогресс.

– О, да еще как работает! Вы просто не пробовали! – азартно закивала я. Прямо чувствовала, что если попробует, то сразу втянется.

Папе орать на маму очень нравилось, они до сих пор так развлекались. Ссорились, потом мирились... Очень долго и обстоятельно. Удивительно, что нас с Арти у них всего двое.

– Ну ладно, если орать не умеете, тогда давайте по вашей методике, – я согласно тряхнула головой, разбрызгав пену вокруг. И, осознав, что высунулась из воды гораздо сильнее, чем планировала, шустро прижалась к бортику.

– Значит, предлагаешь решить проблему без участия кня-

гини?

– Хорошо бы, да, – кивнула, невольно отмечая, что он перешел на ты.

– Что ж, приятно познакомиться, местная Ава. И часто ты тайно проникаешь в закрытые помещения Академии? – мужик вдруг щелкнул ногтем по пуговице белой рубашки и принялся выуживать ее из петли. Кхм, что бы это значило? – Может, кто-то дает тебе свой ключ? Ты рассчитывала здесь с кем-то встретиться? Любовь или подработка?

– Чего? Все совершенно наоборот: я надеялась ни с кем не столкнуться! А вы зачем раздеваетесь? – ошалело наблюдая, как третья пуговица покидает петельку, я сглотнула.

К такому жизнь меня не готовила. Нападения троллей, нашествия камнехвостов, похищения арканами, ранения шмырлов – это еще ладно. Я знала, как выпутываться из сложных ситуаций. Но что принято делать с раздевающимся мужиком? Мне на этот счет никаких инструкций не оставляли!

– А я пришел принять ванну. Но бассейн – это даже лучше. Устал как тролль. Долго добирался.

Пальцы незнакомца переместились к ремню брюк, и я, что-то жалобно пробулькав, ушла под воду глубже, оставив над поверхностью только нос и глаза. Которым, кстати, следовало бы зажмуриться! Но они почему-то не могли отлипнуть от завораживающего действия. Нечасто передо мной мужчины раздеваются. Признаться, вообще в первый раз.

Совсем он спятил, да? Вот до чего аромат роз людей доводит. Да лучше бы я как обычно пахла!

– Как шмырл? Выжил? – расстегивая ремень на брюках, светским тоном поинтересовался мужик, и мне как-то совсем подурнело.

– Выжил, да... Слушайте, вы серьезно или просто пугаете? – пробулькала из воды, тараща глаза на содержимое частично расстегнутой рубашки. Там, на этом содержимом, имелись забавные темные волоски, и почему-то мой взгляд к ним решительно примагнитился. – Потому что если пугаете, то уже можно остановиться: я вполне осознала кошмарность сложившейся ситуации. И если вы так сильно хотите купаться, я готова добровольно уступить вам шурхов бассейн.

– А если серьезно?

– Тогда буду кричать, – предупредила, косясь на связку телепортационных привязок, скучавшую на бортике рядом с жезлом.

Если мужик совсем маньяк, мне придется ей воспользоваться. Но очень бы не хотелось очутиться тролль знает где с абсолютно голым... всем.

Незнакомый тип пристально взгляделся в мое лицо, и я сурово сдвинула брови. Мол, кричать люблю, умею, практикую. С такими-то генами!

– Ну, допустим, пугаю, – хмуро признал мужчина и застегнул верхнюю пуговицу, лишив меня обзора. – Вылезайте, «местная Ава».

– Карпова Аврора Андреевна, княжна Карповская, первая этого имени, – поправила, задрав нос из пены.

Мужик снова изменился в лице. Судорога прошла по скулам, но больше он ничем эмоций не выдал. Только суровее брови сдвинул. Такие никогда не признают, что ошиблись. Видала я эту породу!

– Княжна, значит, – сухо повторил.

И такая вдруг серая тень напоззла на красивую физиономию, что сразу поняла: зря я про титул сболтнула. Захотелось ухнуться обратно под воду и носа не показывать. Нет, я не трусиха. Но от этого неприязненного взгляда внутри, в области живота, как-то гаденько подергивало.

– А у вас аллергия на титулы, да? – поздновато заподозрила я.

Ну, будем надеяться, от анафилактического шока мне его откачивать не придется. Как-никак, я немножко не одета.

– Аллергия у меня на избалованных принцесс, полагающих, что им все дозволено. В теплицы вламываться, животных с заповедной территории уносить...

– Но я же спасти пыталась! – крикнула в сердцах.

– Я не закончил, – сухо осадил меня мужчина. – В закрытые помещения, отведенные для старших преподавателей, входить как к себе домой...

– Но я и есть дома!

– На период занятий на вас распространяются те же правила, что на прочих учеников. Или я заблуждаюсь? И к вам

тут какое-то особое отношение, располагающее к ощущению вседозволенности? – черные брови сошлись на переносице, серые глаза сузились и окатили меня льдом.

Бррр, как холодно!

– Никакого особого отношения, – пробормотала, чувствуя, что этот ледяной взгляд грозит мне серьезными проблемами.

Только сейчас до меня стала доходить эпичность моего невезения. У него есть академический ключ! Шурхов ключ от всех дверей для преподавателей!

А значит, мама его наняла. Троль меня сожри. Если можно, вот прямо немедленно.

Его что, взяли на место Хумбла? Вот этого?!

Нет, нет, быть не может! Мой крестный Фридрих Кесслер, хоть тоже тот еще зануда, но прекрасно преподает как «Древние чары», так и «Магическое противостояние». Он вполне сможет вести два предмета. Зачем нам кто-то еще?

Я медленно втянула воздух, вспоминая уроки дыхательной гимнастики от бабушки Аманды. Конечно, мама доверила бы «Противостояние» крестному. А значит, этот умник – просто какой-то очередной инспектор из Эстер-Хаза и через пару дней уедет.

Да-да, именно так и будет. Дыхательная гимнастика и позитивное мышление всегда творят чудеса.

– Так, Карпова... – он покатал мою фамилию на языке, пробуя на зуб. Скривился. Видимо, невкусная. – Одевайтесь

и больше тут не появляйтесь на период учебного года, если не хотите неприятных последствий. Я не постесняюсь доложить ректору о нарушениях, даже если они связаны с его... КХМ...

– Однофамилицей, – подсказала ехидно. – Я поняла уже, что вы не из стеснительных. Отвернетесь, может?

– На самом деле, ваша фамилия многое объясняет, – отрезанно заявил тип, игнорируя мою просьбу и щекоча взглядом оседающую пену. – Ваш отец слывет крайне строгим ректором, но то, что я вижу... Полагаю, вы привыкли к вседозволенности.

– Вы делаете поспешные выводы, – оскорбленно пробурчала из воды.

– Отцы часто излишне балуют дочерей...

– И откуда такая осведомленность? Вы явно не дочь и на умудренного опытом папашу не похожи. С чего вы взяли эту чепуху?

На вид ему было около тридцати пяти. Вряд ли старше, но и не моложе: возраст чувствовался в глазах, в упертой, пока единственной морщинке, пересекающей лоб.

– С того, что вы позволяете себе общаться с незнакомым мужчиной в два раза старше вас подобным образом.

– Этот незнакомый мужчина только что пытался передо мной раздеться, приняв за... тролль знает кого, – напомнила типу. – Тоже, знаете ли, не слишком воспитанно.

– Вылезайте, – устало прикрыв глаза, велел тот.

– Да как я вылезу?! – я чуть приподнялась из воды, растерянно пожала плечами и с жалобным плюхом ухнулась обратно. – Полотенце хоть подадите?

– Нет. Вы могли подумать о нем заранее, – бровь снова надменно выгнулась, и страшно захотелось стереть ее с высокомерной физиономии. – Насколько я успел понять, вы вообще не имеете привычки думать о чем-то заблаговременно. Например, о том, чтобы закрыть дверь, собираясь купаться.

– Да не закрывается она, – едва слышно простонала в пену. – Сами же сказали: заговорена под ключ...

На бортик прилетело полотенце. Тип развернулся и резким шагом пошел к двери. У самого выхода бросил:

– У вас пять минут, чтобы покинуть помещение, княжна. Потом я вернусь и буду принимать чертову ванну. С вами или без вас. Мне без разницы.

Глава 5. О новом магистре, пухе и перьях

Впечатления о вчерашнем неловком происшествии в купальне смыло крепким сном, ароматным чаем и плотным завтраком. И все бы неплохо, но от меня до сих пор несло розами за версту. Даже Джил села напротив, а не рядом, а это знак.

Аппетит у меня сегодня был отменным, а вот подружке кусок в горло не лез. Что до Софи, она и вовсе отсутствовала.

– Вот ведь совпадение, – гоняя по тарелке помидорку черри, заметила подруга. – Не повезло так не повезло.

– А? – я подняла глаза на Джил.

– Полнолуние. В первый день учебы, – спокойно напомнила она.

– А-а-а... Ну, может, Софи наоборот повезло. Что-то у меня дурное предчувствие насчет «Маг-противостояния». Прямо вот очень дурное и катастрофически нудное. И обожающее раздеваться в совершенно не предназначенных для этого местах!

Незадолго до завтрака всем шестикурсникам пришла теле-маго-грамма, сообщающая о временной отмене «Древних чар» «в связи с затянувшейся командировкой Ф. Кесслера». Что могло означать только одно: Хумбла он не заменит. Это

попахивало эпическим кошмаром.

А ведь мой крестный был лучшим специалистом по древним чарам в мире! Несмотря на излишнюю педантичность, он потрясающе интересно проводил свои лекции. Как он посмел застрять в Индии?!

Между прочим, он мне лично обещал прибыть к началу занятий и привезти какую-нибудь диковинку. Я с трепетом ждала его спецкурса и вот... дождалась! Ни диковинки, ни спецкурса, ни, собственно, крестного.

– Не морщи лоб: Вяземская на нас пялится, – шепотом попросила Джил. – Еще решит, что ты думаешь.

– Я думаю, – согласилась с набитым ртом.

Отсутствие у меня извилин сильно преувеличено: я все зачеты весной сдала на «Отлично». И без всякого «особого отношения», мистер-как-вас-там!

– Когда ты думаешь, это ничем хорошим не заканчивается, – хмыкнула Джиллиан и поправила выглаженный воротничок. – Вяземская может решить, что пора спасти мир и свою юбку от твоей очередной опасной затеи.

– Попрошу минуту внимания! – разнесся по трапезному залу гулкий голос Карамзиной.

Ксения Игоревна поднялась со стула, выпрямилась струной и неспешно поправила пучок абсолютно белых волос. Несмотря на неприлично приличный возраст, она умела одним только тоном привлечь к себе внимание пары сотен учеников.

– Как вы могли заметить, ректор Академии задержался в командировке, поэтому сегодня я поприветствую вас в новом учебном году, – Карамзина позволила себе легкую улыбку, но тут же снова поджала губы. – Некоторые из вас уже слышали о трагедии, случившейся в начале лета с профессором Хумблом. Мы желаем ему скорейшего выздоровления и надеемся, что он вернется в наши ряды. А пока на его место приглашен магистр Салливан из Лондона.

Я с обреченным стоном повалилась на сложенные руки. Приехали.

Ропот сожаления прошелся по залу: Хумбла все любили. Чудесный был мужичок. Много шутил и никогда не повышал голос. Невысокий, коренастый, подслеповатый... Наверное, потому и свалился в ущелье.

Теперь профессор лежал в Лечебнице Эстер-Хаза, обвешанный магическими датчиками и целительскими артефактами. Оставалось лишь молиться, что его быстро подлатают, и этого новенького магистра вернут обратно туда, откуда взяли.

– Кроме того, многие уже получили сообщение об отсутствии профессора Кесслера. «Древние чары» я пока возьму на себя, а «Теорию магии» в этом учебном году будет вести Мелисса Осворт, – Ксения Игоревна кивнула на побледневшую тетю Мэл. Похоже, та не сильно радовалась внезапному назначению. – «История» остается за профессором Валенвайдом, – легкий кивок в сторону старика-вампира, ла-

комившегося чем-то подозрительно бордовым.

– А «Снадобья»? – тоненький писк кого-то из второкурсников заставил воздух зазвенеть от напряжения.

Ну да, точно. «Снадобья и травы» обычно ведет сам ректор. Надо ли сообщать, что о замене этого преподавателя мечтают сотни учеников?

– «Снадобья» остаются за Андреем Владимировичем, он вернется уже на днях, – с саркастичной ухмылкой заявила Карамзина под аккомпанемент многоголосого стона.

Есть во мне все же и папины гены. Недаром меня тоже боятся!

– Также хочу сообщить, что в нашем Заповеднике сменился Главный Мастер, – женщина улыбнулась Брендану, одиноко сидевшему от нее по правую руку.

Стоп. Одиноко? А где, тролль побери, его супруга? Насколько я помню, раньше миссис Хайв от него не отлипала и ходила по пятам даже в уборную. То ли Сьюзи, то ли Сьюки... Как-то так завали ту роскошную, дорого одетую блондинку.

– Ав, не вытягивай так шею, – хихикнула Джил, прикрывая губы ладонью. – Ты похожа на суриката. Сложенных лапок не хватает.

Я закатила глаза и уселась ровнее, прислушиваясь к совету юной леди Кавендиш. И вот за что мне это наказание? Глэдис, Джил... Теперь еще и магистр! Судьба явно испытывает меня на прочность.

– Уход за теплицами вместо пропавшего без вести месье Шантара возьмет на себя госпожа Дорохова, – взмах руки в сторону прелестной зеленоволосой нимфы родил во мне несколько смутных подозрений.

Девушка явно имела родственное отношение к хамоватому гоблину-полукровке, но трудно было определить, какое. Выглядела она, как старшая сестра. Но что-то не складывалось.

– «Магические существа» остаются за госпожой Пруэтт. Декан Осворт продолжит знакомить вас с именными жезлами, артефактами и амулетами. Кто посещает целительские дисциплины, пометьте себе, что на этой неделе занятий у Анны Николаевны не будет, но вы все нагоните на следующей.

Карамзина окинула взглядом огромный трапезный зал и позволила себе еще одну улыбку. Что-то она подозрительно сентиментальная сегодня. Не к добру.

– Приветственный бал, которого так ждут старшекурсники, состоится традиционно через пару недель. Можете смело готовить платья. Не волнуйтесь, ему ничто не помешает. Обо всех прочих изменениях в расписании вы до вечера получите информацию от своих кураторов. Хорошего вам дня и волшебного учебного года!

– Эй, эй, постой, Карпова, что за новый аромат? Случайно задремала в розовых кустах? Даже с другого конца зала

слышно, – прокричала вдогонку Микаэлла, но мы с Джил не затормозили. Рано или поздно само отвалится.

Или нет.

Через три минуты мы всей гурьбой встали перед дверью кабинета практической магии. Черт! Похоже, с этого года на «Противостояние» мы ходим в одном потоке.

– Ммм, Кавендиш... Расскажи, каково это, когда у тебя папаша вроде как лорд, но больше все-таки фермер? – протянула над нашим ухом сладкоголосая Девенпорт.

– Замечательно, Энджела, – спокойно отреагировала Джил. Она чинно выпрямилась, поправила пуговицу-жемчужинку на воротнике и завела за ухо светло-рыжий завиток. Из нас троих она единственная походила на благовоспитанную леди. – На столе всегда свежие фрукты и овощи. Лучшие витамины для красоты. Хочешь, пришлю тебе корзинку? Только надо выбирать аккуратно, некоторые фрукты у нас кусачие.

Двери открылись, впуская внутрь просторного кабинета, оснащенного ультра-упругими матами, пружинящими подушками, невидимыми экранами и прочими мерами магической безопасности. У парящей в воздухе доски стояла Карамзина, прикрывая собой силуэт новенького, но уже до боли знакомого магистра.

Пожилая леди направила жезл на доску и высекла на ней огненными буквами:

«САЛЛИВАН Р. ДЖ.»

– Позволю себе несколько слов в качестве представления, – откашлявшись, заявила Ксения Игоревна с вежливой улыбкой. Говорила же, не к добру это ее благодушие. – Магистр Салливан прибыл к нам из Англии. В Лондонской школе он возглавлял целое Отделение атакующей стихийной магии. И любезно согласился подменить профессора Хумбла до выздоровления. Мне особенно приятно отметить, что он – обладатель полноценного дара заклинателя воздуха. Последний из ныне живущих.

Кто-то позади меня ахнул: полноценный раскрытый дар сейчас был большой редкостью, присущей лишь представителям древнейших магических родов. А стихийных заклинателей и вовсе полагали вымершими. Последний, о ком я слышала, – прадедушка Джил. Говорят, Лукас Кавендиш умел заклинать воду и даже перемещаться через лужи и озера.

– Интересно, а он летать умеет? – пробормотала через мое плечо мисс Рид. – Раз воздух заклинает...

– Как Мэри Поппинс? – хрюкнула в ответ, представив строгого магистра, парящего на разноцветном зонтике в развевающемся кожаном плаще.

– Я скорее думала про Супермена, – тихонько засмеялась Эрика. – Или там Бэтмена...

– Бэтмен не летает, – выдала вдруг Джил. Она у нас все-сторонне осведомленная особа. – Так что сойдемся на Мэри Поппинс.

– Сойдемся. Я совершенно не жажду увидеть нового ма-

гистра в обтягивающем трико с трусами навыпуск, – пробормотала отрешенно, размышляя, что мне вчерашних темных волосков за глаза хватило.

– Если будете себя хорошо вести... – Карамзина перепрыгнула глазами пару рядов и уперлась взглядом именно в меня. Словно я тут главная дебоширка! – То уверена, магистр продемонстрирует вам свои уникальные способности.

Я дернулась и накрыла разгоревшиеся щеки холодным ладонями. Вчера он как раз пытался мне что-то там продемонстрировать. Не уверена, правда, что сильно уникальное. Но не проверять же?

– Передаю их вам, магистр, – сдержанно кивнув, Карамзина вышла из кабинета, оставляя нас в звенящей тишине.

С минуту этот Салливан молчал, рассматривая наши лица. По моему мазнул так, словно и не узнал. Хотя – вполне мог. Троль знает, что он там вчера разглядывал. Вряд ли мой глубокий внутренний мир.

– Небольшая переключка, затем перейдем к практическому занятию, – равнодушным тоном заявил магистр и материализовал из воздуха плотный лист, украшенный сияющей печатью Академии. – Аткинс, Роза? – глаза в зал, сухой кивок. – Вяземская, Микаэлла? – еще кивок. – Девенпорт, Энджела?

Кивок, кивок, и еще один...

– Дорохов, Эйнар?

Зеленоглазый гоблин в толпе тоже обнаружился. Он уже

успел привлечь к себе внимание женской половины коллектива.

– Кавендиш, Джиллиан?

Подруга чуть выдвинулась из ряда. Я ожидала следом услышать свою фамилию, но, без интереса скользнув поверх моей головы, магистр произнес: «Ланге, Эмиль». Паренек, вызванный не по расписанию и не успевший к этому событию морально подготовиться, нервно дернулся и зашелся в припадке истеричного кашля.

Бедный Ланге! Никто из нас не понимал, что он забыл на «Противостоянии». Его магическая капля раскрылась не полностью – говорят, в роду Честеров, к которому принадлежала его мать, такое уже случалось, – и Эмиль едва мог вразумительно связать пару простейших атакующих формул.

– Ньюборн, Филипп? – продолжил магистр, не глядя больше в нашу сторону. – Осворт, Софи?

Я решительно сделала шаг вперед.

– Еще вчера вы были Карповой, мисс, – недоуменно напомнил мужчина, вынужденный все же обратить на меня внимание.

– Я и сейчас Карпова... сэ... магистр Салливан... Эр Джей... – вот лучше бы он на меня не смотрел, потому как это непонятным образом смущало. Путало. И бесило!

– Я вызывал мисс Осворт.

– У Софи медотвод. По уважительной, но очень личной причине.

– Классно быть дочкой декана, – профыркала Девенпорт. – Можно взять справочку на особые дни.

«Скорее уж, на особые ночи», – мысленно поправила Энджелу. Была у Софи кое-какая особенность, в которую она однокурсников посвящать не желала. Так что пару-тройку раз в месяц декан официально освобождал ее от первых занятий, к которым она никак не успевала привести себя в форму.

– А вы, видимо, еще и староста?

– Не староста она, а заноза в одном... кхм... – ехидно процедила Мика.

– У нас нет старост, магистр Салливан. Не принято, – вежливо пояснила Джил. – В отличие от Лондонской системы, в которой...

– Нет – и слава троллям, – осек ее мужчина. – Меньше головной боли. Передайте мисс Осворт, что я жду от нее справку до вечера.

Софи, как и ее отец, была вервольфом-полукровкой. Поэтому любила временами повить на полную луну и погонять зайцев в заповедном лесу. Точнее, так было раньше. Но в июле у нее что-то стряслось, и она перестала в «особые ночи» бывать в Академии.

Теперь она проводила время в садах у Пункта Связи в обличии поджарой черной волчицы, заставляя нас гадать, что стало причиной резких перемен. Я пыталась ее расспросить пару раз, но Софи краснела, бледнела, иногда даже зеленела,

нервно дергала плечами и быстро уходила от ответа. В прямом смысле. Ногами.

– Расков, Александр? – вырвал меня из раздумий холодный тон магистра.

На очередное незнакомое имя обернулись решительно все. Еще один новичок записался сразу на шестой курс мано-вением маминой волшебной палочки? Да куда нам их столько, солить, что ли?!

– Я Расков, сэр, – с небольшим поклоном отрекомендовал себя блондин, стоявший рядом с Эйнарм. Оба выглядели весьма колоритно, свежо и, что греха таить, привлекательно.

– Салливан, Салливан... – бубнила Джил, старательно что-то припоминая. – Да ладно? Тот самый?!

– Тот самый который? – закусив губу, чтобы не выдать лишнего интереса, переспросила я.

Джиллиан Кавендиш у нас всезнайка и по совместительству голос разума. Никто не знал, в кого она пошла своей тягой к наукам, фактам и слухам. Даже папа каждый раз искренне удивлялся, откуда в ней завелись извилины.

– О нем писали в светской хронике в июльском «Трибьюн», – заговорщицки прошептала Джил, прикрывая изящной ладошкой губы. – Я точно не помню, в чем там дело было. Но вроде бы он посмел привести на Июльский бал цветов вампиршу-полукровку в качестве пары. А туда, сама понимаешь, запрещено. Древний закон, как-никак. Ну и скандал был! Там половина дебютанток попадала в обморок, когда

девушка обнажила клыки!

Я недоверчиво помотала головой: слова «бал» и «нудный магистр» никак не складывались. Непохоже, что этот тип вообще умел развлекаться – только нотации читать.

– Что он сам делал на этом балу? – скептически уточнила я. – Кусты подстригал в садовом лабиринте, чтобы были ровнее?

– Писали, что чистота его крови подтверждена и процент королевской очень высок. Но никто не знает, к какому древнему роду он прикреплен и имеет ли титул. Даже он сам, – пояснила Джил. – Так что Салливан имел полное право посетить бал цветов, но с более... кхм... подходящей леди, а не с полукровкой.

– Софи бы тебя сейчас укусила, – я скопилась на подругу.

– Сама знаешь, что в последние годы они ужесточают законы, – Джиллиан обхватила себя за плечи, словно замерзла. – Потому и раздувают в прессе скандалы на ровном месте. Ты же помнишь, кому принадлежит «Трибьюн»...

Я пригляделась к новенькому магистру. Вот ведь тролль! Сам, значит, нарушает правила, а мне нотации читает!

– Такой загадочный... – протянула Эрика. – Интересно, какие еще у него есть грязные секреты?

– Мучает котят? – выдвинула гипотезу.

– Думаю, все гораздо хуже: он их гладит, – хихикнула Джил. – Втайне от всех, чтобы не портить репутацию.

– Фу! Как не стыдно... – рассмеялась мисс Рид.

– И что за Р. Дж.? – все еще кусая в нетерпении губу, промычала подруге в ухо. – Руфус? Рамон? Рикардо?

– Тьфу на тебя, – приснула Джил в кулачок. – Ну какой из него Рикардо? Рандор он. А что за Джей – сам тролль не разберет.

– Что за имя такое – Рандор. Он вообще из какой страны? – присоединилась к беседе Эрика.

– Спроси лучше, из какого века! Рандор Джей Салливан, – пробормотала, пробуя на вкус. – В целом, недурно, но старомодно как-то, вам не кажется? Вот кто сейчас собирает волосы в хвост, да еще повязывает их лентой? А часы... на цепочке! В кармане!

– И он все время на них косится, – с нотками обиды подметила Джил. – Словно торопится поскорее от нас избавиться и заняться чем-то более интересным. И кто его уже успел так утомить? Только ведь приехал.

– Может, часы измеряют его нудность? – выдвинула очередную гипотезу. – Этакий «нуднометр». Если видит, что недостаточно, то сразу нагоняет... Вот как сейчас.

Магистр сверился с циферблатом, нахмурился и обвел зал недовольным серым взглядом. Словно вынужденно тратил бесценные секунды на наше глупое молодое племя, которое все равно ничему не научится. А его, между прочим, никто не звал! Мне Хумбл больше нравился!

– Разделитесь на пары, – громко велел магистр. – Начнем с прямого близкого боя: атака – уклонение, атака – отражение,

атака – поглощение, атака – любой щит на ваш вкус. Потом меняетесь.

Эмиль робко помахал ладонью, пытаясь привлечь к себе внимание магистра, и даже рот открыл, собираясь что-то сказать... Я уж было подумала: ну вот, осмелел наш соколик подбитый! Но – не сvezло.

– Все, что мне нужно о вас узнать, я пойму из практического занятия, – поднял руку в останавливающем жесте этот Салливан. – Приступайте.

Эрика по привычке схватила Джил за запястье, и я смиренно приняла неизбежное: все верно. Обычно я стою в паре с Софи. Наша блудная волчица пока паршиво контролирует свои эмоции, и я ее прикрываю.

– Встань с кем-то из новеньких, – посоветовала рациональная Джиллиан мимоходом. – Они еще не успели занять на тебя зуб.

Ну, это она опрометчиво. Как минимум, у гоблина-полукровки есть один незакрытый гештальт по мою душу. Но и тут не повезло – он уже стоял напротив Раскова.

– Фил Ньюборн тоже никогда не обидит девушку, он хороший, – неловко пробормотала Эрика и закатила глаза. – Хоть и наивный до безобразия.

– За «красавчика Фила» Энджела Девенпорт ее съест по кусочкам, предварительно хорошенько просолив, – флегматично припугнула Джил.

И как она только все помнила? Кто летает, кто с кем встре-

чается, про кого писали в «Трибьюн»... У меня на все это решительно не хватало времени из-за обилия практик, важных экспериментов и тайных увлечений.

– У нас проблема, магистр Салливан, – сахарным голосом пропела Девенпорт, всем видом выражая сожаление. – Кое-кому не хватило пары.

– Хорошо, я сам составлю этому кое-кому компанию.

По кабинету прокатился шепоток, и все зачем-то уставились на меня.

– Мисс Карповой не хватило пары, – пояснила Вяземская. – Вероятно, именно ей и придется драться с вами?

Я огляделась и с прискорбием признала, что Микаэлла права. Пока я болтала с Джил, всех расхватали. Даже Ланге стоял с Роузи Аткинс. Софи, ну как же не вовремя это твоё полнолуние!

– Я готова, сэр, – заявила, подобравшись и выудив именной жезл из кармана. Спаррингом со взрослым страшным магом меня точно не напугать. Тут Мика seriously просчиталась.

Салливан подошел, молча взял меня за запястье и куда-то потянул. Провел через половину кабинета и поставил напротив мисс Аткинс.

– Вы, молодой человек, будете атаковать меня, – сухо объявил он ее напарнику, и тот решительно скис. – Напомните, как вас зовут?

– Эмиль Ланге, сэр.

– Почему вы встали в пару с леди? – магистр недоуменно потер бровь, словно это никак не укладывалось в его голове.

– У меня слабый дар, сэ. Мой старший брат – эмп, пу-
стышка. А моя капля раскрыта не полностью, и Хумбл все-
гда ставит меня в пару с девчонками, – признался парень. –
Я просил ректора отменить мне «Маг-противостояние», для
выбранной специализации оно необязательно. Но и Андрей
Владимирович, и моя тетя Мелисса настояли, чтобы я про-
должал занятия и тренировал способности. А с решениями
нашего ректора... Ну, лучше не спорить, понимаете?

– Наслышан, – хмуро кивнул Салливан. – Вероятно, у него
есть какие-то причины для этих самых решений?

– Ректор говорит, что не до конца раскрытая капля очень
опасна и может вызвать неизлечимую магическую хворь.
Он... такое уже видел, – Эмиль переминался с ноги на ногу
и старался не глядеть в холодные серые глаза. – Моя другая
тетка умерла от похожей болезни задолго до моего рожде-
ния. Пока есть шанс раскрыть магию полностью, надо про-
бовать. Других вариантов не осталось. Даже у Анны Нико-
лаевны не получилось ничем помочь, а у нее знаете какой
сильный целительский дар?

– Я понял. Значит, будете продолжать тренировки. Со
мною.

Я вскочила между магистром и Эмилем и упрямо вздер-
нула подбородок.

– Я дерусь ничуть не хуже господина Ланге, сэ, – заяви-

да, хохлясь и пыхтя закипающим чайником. Не позволю ему калечить бедного мальчишку!

– Я уже сказал, Карпова, что не собираюсь с вами драться, – без интереса поглядел на сопящую меня шурхов магистр.

– Сэр, я вполне могу...

– У вас будет шанс продемонстрировать мне мастерство в спарринге с мисс Аткинс. Повторять свои решения или менять их я не имею привычки.

– А я имею, – тряхнула головой. – В смысле, привычку повторять. Я готова заменить Ланге!

Я знала, что Роузи щадит Эмиля. А магистр точно не станет биться вполсилы. А потом или мне, или Глэдис до вечера ссадины обрабатывать. Так что действовала я в собственных интересах. Исключительно в них, да.

– Вам так хочется встать со мной в пару? – Салливан насмешливо поднял бровь. Прозвучало как-то двусмысленно. – Так сильно понравился?

Да, определенно двусмысленно. Вот же... тролль! Я медленно покрутила головой, прошептав одними губами «Нет».

– Совершенно даже наоборот, сэр, – добавила шепотом на случай, если по губам он читать не мастер.

– А со стороны выглядит иначе. У вас лицо порозовело.

Я яростно потерла щеки, отчего они стали только краснее. Румянец, будь он неладен! Мамины гены! Вот Арти почему-то не имеет привычки краснеть. Ну да он и не барышня.

И, кстати, почему-то брата не оказалось в списках. Видимо, нашел дела поинтереснее, чем «Магическое противостояние». Но мы с Арти оба знали: то, что можно ему, не позволительно мне. Не потому, что меня любят меньше. Просто он, негодник, освоил программу еще на втором курсе, а мне атакующие чары давались труднее.

– Мне просто не хочется, чтобы вы увечили этого мальчика. Он не виноват, что капля едва раскрылась, – прошептала, стараясь, чтобы ничье ухо, кроме магистерского, меня не услышало. – Магическая неполноценность давно признана неизлечимым заболеванием и требует соответствующего подхода к проблеме. Деликатного!

– А вы у нас спец по деликатности, как я посмотрю? Я не собирался никого увечить. Я преподаватель, а не садист, – так же негромко заявил Салливан. – Но мне придется наказать вас за нарушение субординации и попытку поставить решение преподавателя под сомнение. Чтобы никто не подумал, что я потакаю дочке ректора.

– Но сэр!

– Я просил вас остановиться. Дважды. Меньше всего я желаю проводить вечер в вашем обществе, наблюдая за отработкой, – грозно сдвинув брови, прошипел магистр. О, а он не такой уж и ледышка, когда злится. – Но вы не оставили мне выбора, Карпова. Ведете себя, как взбалмошный капризный ребенок, полагающий, что он тут хозяин.

Кажется, от возмущения из моих ноздрей пар пошел. Но

магистра это мало заботило.

А у меня, между прочим, были тоже большие планы на этот вечер! И в Заповеднике, и в теплицах, и в лаборатории... Надо все успеть, пока отец из командировки не вернулся. Не собираюсь я тратить последний свободный вечер на отработку у этого лондонского тролля!

– Предмет, который я веду, весьма травмоопасен, – громко завел магистр, отходя от меня на пару шагов. – Так что я буду требовать максимальной дисциплины и безоговорочного послушания. Ланге, подойдите ко мне. И давайте уже приступим к тренировке, утро не резиновое. Карпова, вас я попрошу задержаться после занятия. Определим формат наказания.

Мика противненько ухмыльнулась, а я закатила глаза. Слизил я зеленой, что ли, не видела? Да мама давно со мной поделилась парой десятков фирменных очищающих заклятий. В нашем семействе без них никак!

– Занятие окончено, все свободны! – объявил Салливан, когда продолжать спарринги стало невозможно: пух и перья окончательно забились всем присутствующим в волосы и носы. Ну прямо войско индейцев!

Кто-то заменил зачарованные пружинящие подушки самыми обычными перьевыми! И я даже догадывалась, чья шкодливая прозрачная задн... физиономия могла это устроить. В целом, отличная шутка для первого учебного дня. И

я бы посмеялась, если бы не красноречивый взгляд новенького магистра.

Надеясь, что он в пылу сражений с содержимым подушек забыл, что велел мне остаться, я попыталась бочком пробраться к выходу из кабинета.

– Далеко собрались? – издевательски уточнил магистр Салливан, шерсть линялого морфа ему в суп! – Уборка сама себя не сделает.

– Уборка? – невинно переспросила я, с сожалением наблюдая, как дверь захлопывается за последним учеником, оставляя меня наедине с магистром и тонной оседающих перьев. – Вы говорили про вечер.

– И еще я говорил, что у меня на него есть личные планы.

– Планы? Личные? У вас? – переспросила я все по порядку.

– А вы полагали, я монах? И предел моих мечтаний – перебирать бумажки и наблюдать за тем, как ученица драит полы? Увольте.

– Да я бы с радостью! – пробубнила, откашливаясь от пуха, который, кажется, добрался уже до легких. – В смысле увольнения.

– Я найду, чем себя занять теплым сентябрьским вечером. Вы, конечно, симпатичное создание, но...

– Не предел ваших мечтаний. Я уже поняла.

– Какое у вас следующее занятие, Карпова? – устало уточнил Салливан.

Я мысленно прокрутила в голове расписание. «Целительство» отменилось, как и «Снадобья», так что...

– У меня сейчас два «окна», а затем практика в Заповеднике.

– «Окна» – это прекрасно. Значит, вы приберетесь здесь прямо сейчас, и у нас обоих появится шанс провести вечер в более приятной компании.

Прозвучало не слишком-то приятно. Но обнадеживающе. Меня в Заповеднике ждала Хлоя-Жюли, не терпелось ее проведать.

– Просто убрать?

Признаться, я ожидала более суровое наказание, с огоньком. Папа, к примеру, все время гонял нас с Арти счищать гадкую смердящую слизь со стен кабинета зельеварения. А тут... перья. Чистые, мягкие. Фантастика.

– В чем подвох?

– Я конфискую ваш жезл, – без долгих прелюдий признался лондонский тролль. – Получите его через час внизу, у начальника охраны. Хочу, чтобы вы сделали уборку своими руками. Как обычный человек, а не как... кхм...

– Кто?

– Не как принцесса по магической крови.

– Вы упрекаете меня в наличии во мне королевской капли? – удивилась формулировке. – Но в вас она тоже есть. Иначе как объяснить дар заклинателя воздуха? К какому древнему роду вы принадлежите?

– Вас это не касается, княжна. И, думаю, при ваших невероятных талантах вы справитесь не только без жезла, но и без веника.

– Вы серьезно? – я с ужасом обозревала плантацию перьев, временно превративших кабинет практической магии во взорвавшуюся птицефабрику. – И как я их соберу?

Магистр нагнулся, подхватил белое перышко и пощекотал им меня по щеке. Положил на мое дрогнувшее плечо и снова сдул на пол.

– Поштучно, Аврора Андреевна, – ухмыльнулся Салливан. – Поштучно.

Вот ведь... тролль!

Что я поняла за последние полтора часа? Что собирать перья в единственное обнаружившееся в кабинете ведро, а затем носить его до магконтейнера на том конце коридора – невыносимо муторное занятие. И не слишком результативное. Я даже успела сбегать на обед и подкрепиться, но когда вернулась, осознала, что недалеко продвинулась в уборке.

– Кви-и-и-ит! – простонала в воздух кабинета после очередного похода к магконтейнеру. Пытка какая-то!

– Звали, Аврора Андреевна? – произнесло фамильное чудо в шерсти, с интересом разглядывая чудо в перьях. Ну, то есть меня.

– Помоги, а?

Нет, я не была лентяйкой. Просто оба моих «окна» под-

ходили к концу, вот-вот должна была начаться практика в Заповеднике под руководством нового Главного Мастера. Я никак не могла ее пропустить! Увидеть одновременно и моих шмырлов, и моего (в девичьих мечтах) Брендана – таков мой предел мечтаний. В отличие от магистерского.

Но уборку надо было закончить. Если попрошу перенести пытку на вечер, то не попаду в теплицы до темноты. А мне туда очень нужно.

– Ваш отец строго-настрого велел не выполнять трудовых наказаний за вас, Аврора Андреевна, и за господина Артура, – вежливо напомнил морф.

– Ну Кви-и-ит... Меховая ты задница! – я обиженно засопела. – Как вместе со мной жареный сыр в два ночи лопать – так это мы завсегда, а как помощь нужна...

– Строго-настрого, – виновато повторил Квитариус.

Эх, да. С папиными «строго-настрого» лучше не спорить. Можно вообще остаться без меха на...

– Хотя бы ведро подержи, – пробурчала, подталкивая ножкой к нему пыточный агрегат.

– Ведро подержу, – сдержанно улыбнулся Квит. – И даже до магконтейнера телепортирую. Но собирать будете сами.

Я подобрала юбку, привстала на колени и принялась сгребать перья ладонями.

Я знала, что Квит относится ко мне с симпатией. Какой-то морфьей симпатией, необычной, ворчливой, но все-таки. Почти с любовью. И согласившись помочь с ведром, он

уже нарушил отцовские правила.

Когда с уборкой было почти покончено, мне в руки приземлилась официальная теле-маго-грамма. Запечатанная. Сорвав воск, я быстро пробежала картонку глазами.

«В связи с чрезвычайным происшествием вся практика на территории Заповедника отменена. Вход в заповедную зону запрещен всем, кроме старшего персонала Академии. О возобновлении занятий вас известит ваш куратор.

*Главный Мастер Заповедника,
Хайв Б.»*

– Вы побледнели, юная леди, – подметил Квит, мягко потряхнув мое плечо.

– Что-то случилось в Заповеднике. Что-то очень нехорошее. Сможешь меня туда перенести? – наудачу спросила я, не упомянув про запрет.

– Заповедная территория закрыта для телепортации морфов. Но вы и сами это знаете.

– Тролль побери! – я вскочила на ноги, случайно сбив ведро. То с неприятным лязганьем прокатилось по полу.

В дверь постучали, и на пороге появилась статная фигура мужчины в форме главного стража. Увидев пернатую меня, он невольно заулыбался. Ну вот, хоть в цирк отдавай.

– Принес вам жезл, Аврора Андреевна, – пояснил Эндрю Макферсон, на ходу запахивая полы ярко-синего плаща. – Нас вызвали в Заповедник, на посту никого не остается.

ся. Зная, что без жезла вы никак набедокурить не сможете, я почувствовал на себе небывалую ответственность.

Энди, главный страж нашей Академии вот уже пятый год, подмигнул и вручил мне палочку.

Красавец мужчина! Загорелый, темноволосый, короткостриженный и с такой фактурной фигурой, что хоть на обложки снимай. Даже удивительно, что до сих пор не женат. Я пыталась как-то расспросить маму, почему господин Макферсон предпочитает одиночество, но она только рассмеялась: «Кот – он и есть кот».

– А можно мне с вами? – я схватила стража за рукав, готовая и на шее повиснуть, лишь бы он взял меня с собой.

Но Энди отстранился и только сжал мою ладошку. В серо-голубых глазах, обычно спокойных и веселых, штормило северное море.

– Никак нет, Аврора Андреевна. Приказ Большого Совета.

Я промаялась до самого вечера, слоняясь по фойе ужаленной в причинное место кошкой. Никто не возвращался из Заповедника – ни с плохими новостями, ни с хорошими. За витражным окном начало темнеть, я уселась на подоконник и отгородилась от зала плотной шторой. Рано или поздно я кого-нибудь дождусь и учиню допрос с пристрастием!

...Я успела впасть в дрему и не сразу поняла, что приглушенные голоса, доносившиеся с улицы, реальны. Распахну-

лась входная дверь, фразы стали громче и четче, и я наконец узнала говоривших. Но все равно не смогла побороть соблазн и глянула в щель между шторой и стеной.

Хмурый, напряженный Брендан стоял на пороге, не торопясь проходить внутрь. Так, словно планировал улететь в другое место, завершив беседу с моей матерью. В его руках лежал дремавший даркен-сабер – полностью черный песец с голубыми глазами. У нас была всего одна пара таких...

– Милли его подлатала, Ани, но он лишился половины своей шерсти, – объяснял Брендан моей матери, как и он застрявшей в дверном проеме. – Сама знаешь, как медленно она растет. Годы! Этого количества хватит литров на двадцать «Усилителя чар».

– Полагаешь, среди наших работников есть кто-то, кто приторговывает зельями и ингредиентами на черном рынке? Но Андрей так тщательно всех проверил!

– Странно это. Работники тут давно, а нападения начались только сейчас. Первым делом я бы заподозрил себя, как новоприбывшего. Или учеников, у которых резко возникли проблемы с финансами, – глухо бормотал Брендан, склонив голову низко к маминому уху.

– Либо Вяземский нанял кого-то, чтобы создать иллюзию нападений. Сам знаешь, они только и ждут повода, чтобы прислать инспектора. Думаешь, люди с весны увольняются просто так? – мама прикрыла глаза, сложила руки на груди и облокотилась спиной о стену. – Поразительно! Сначала Вер-

ховный Совет высмеивал идею открыть Заповедник на базе Академии, а теперь мечтает прибрать его к рукам...

– Вместе мы его отстоим, Ани. Когда вернется Андрей?

– На днях. Надеюсь. Очень. Я так соскучилась, словами не передать, – она грустно улыбнулась, и у меня сжалось сердце. Давно я не видела маму такой уязвимой и уставшей. Рядом с папой она всегда казалась сильной. – Мы не можем быть уверены. Думаю, пора сообщить в Эстер-Хаз. Пускай выделят нам дополнительную охрану. Второй случай за два дня – это не шутки!

– Они пришлют комиссию.

– Они ее и так бы прислали, Брендан. Не в Заповедник, так в Академию, – мама нервно передернула плечами и собрала выбившиеся волосы обратно в красивый пучок. – Я неделю назад получила извещение от Верховного Совета. Вяземский жаждет лично аттестовать преподавателей и проверить соответствие условий обучения общепринятым нормам. Словно ему больше заняться нечем, старому гоблину!

– Сочувствую. Ты можешь на меня рассчитывать.

– Знаю, – мама улыбнулась и похлопала Брендана по плечу. – Хорошо, что ты вернулся. То есть плохо, конечно... Неправильно радоваться такому, но...

– Ани!

– Что «Ани»? Сюзи бы тебя сюда не отпустила, – мать наморщила нос. – Значит, мы в выигрыше, а ты...

– Уж точно не в проигрыше. Ты ведь в курсе... эмм... си-

туации, – Хайв смущенно почесал висок, и меня начало рас-
пирать от любопытства.

Значит, он приехал сюда без супруги? Мой кудрявый воин
– и абсолютно один?!

– Кстати, Андрей еще не знает, что я тебя наняла.

– Спасибо, что говоришь об этом только сейчас! – рассме-
ялся господин Хайв, и кудряшки запрыгали у его висков. –
Пойду-ка я собирать чемоданы.

– Только попробуй! Уверяю тебя, он примет эту новость
с радостью. Когда узнает все прочие. Я ее подам на десерт, –
загадочно пообещала мать. – Лекарства для животных при-
шлют только в следующем месяце. Представляешь, преды-
дущие три запроса Совет «не получил». Якобы «потерялись
в пути».

– Слабо верится. Похоже, Анна, они начали играть гряз-
но! – запальчиво заявил Брендан. – У меня остались связи. Я
попробую напрямую договориться с Главным Заповедником
Эстер-Хаза о небольшой партии лекарств. Хватит на первое
время.

– Спасибо тебе. А как в целом впечатление после обхода?
Что оставил после себя уволившийся Бракс? – взволнованно
собирая пальцы в замок, спросила мама.

– Лабораторией пользовались мало, она в идеальном со-
стоянии. Охранные чары крепки, чувствуется рука Андрея.
Сами животные не выйдут за пределы заповедной зоны. Ес-
ли им не помогут. А вот магические ловчие сети в плачевном

состоянии, – признался Хайв. – Заряд поистрепался, кого-то серьезного они не сдержат. Целителей явно не хватает, про лекарства ты в курсе. Я возьму это на себя, иди отдыхать, Анна.

– Мысли о предстоящем визите Вяземского все равно лишат меня сна. Боюсь, опять буду всю ночь смотреть в потолок. Ой!

Возле распахнутой двери из темноты материализовалась третья фигурка. Изящная, замотанная в алую шаль и решительно мне незнакомая. Над красной тканью возвышалась копна ярко-рыжих волос, горевшая пламенем даже в сумерках. Девушка только что телепортировалась ко входу в Академию и явно не ожидала, что тут будет открыто.

– Леди Валенвайд? – окликнула ее мать. – Эвер?

Поняв, что обнаружена и опознана, девушка приветливо рассмеялась и сделала несколько шагов на свет. Странных шагов. Нечеловечески грациозных, легких и прекрасных, словно танцующих.

– Подслушивать чужие разговоры – верх деликатности, княжна, – раздалось холодное за моей спиной, и я подпрыгнула, больно ударившись о стену. – А пользоваться помощью фамильного морфа для выполнения трудовой повинности – и вовсе верх наглости. Мы с вами к этой теме еще вернемся, принцесса. Позже.

– Почему не сейчас? – прошипела, потирая плечо. – Давайте сюда вашу свежевывдуманную нотацию. Я вся внима-

ние.

Чего он вообще залез ко мне за штору? Делать больше нудным магистрам нечего? А такие планы на вечер были!

– Потому что сейчас я немножко занят, – вперил в меня серый взгляд шурхов Салливан.

Он еще несколько секунд молча буравил меня глазами (сразу видно, что занятой!) И, наконец, покинул мою штору (читать «наблюдательный пункт»).

Фух! Даже дышать сразу стало легче.

К наблюдению я вернулась как раз вовремя. Увидела, как Салливан быстро кивает матери и Брендану, хватает рыжеволосую нимфу под локоть и растворяется в телепортирующем вихре. Ах... вот какие планы.

Глава 6. О диких кошках и приворотных зельях

Утро выдалось седым и пасмурным. Небо затянуло одной огромной одноцветной тучей, но дождь никак не желал случиться.

– Мам...

– Что, обезьянка? – мама скосила на меня уставшие черные глаза. Под ними лежали серые тени. Похоже, она так и не заснула этой ночью.

– И ты туда же, – я негодуяще наморщила нос. – Хотела спросить, когда точно вернется папа? Они с крестным обещали приехать к началу учебного года.

– Фридрих написал, что ему нужно задержаться в Индии. А Андрей прилетит завтра утром, – она обхватила меня за плечи и чуть прижала к своему боку. Сразу стало тепло, уютно и спокойно. – Ты так соскучилась или пытаешься выяснить, сколько у тебя осталось времени на шалости?

– Много первого и совсем немножко второго, – я покусала губу.

– Пообещай не взрывать Академию до отъезда комиссии, Ав. Верховный Совет нам этого не простит, – попросила мать совершенно серьезным тоном, и я так же важно кивнула.

– Есть не взрывать Академию до отъезда комиссии, мэм, – хрюкнула в кулак, но снова придала себе ответственный вид. – А Хумбл скоро поправится?

– Так не терпится сдать нового магистра обратно в Лондон? – проникательно ухмыльнулась мама. – Боюсь, как минимум полгода с этим придется повременить.

– Он кошмарен. Невыносим. Невозможен. Как папа, только хуже, скучнее, правильнее и... нуднее. Заставил меня два часа собирать перья вручную.

– Перья, – с улыбкой повторила мама. – Это... занятно.

– Ничего занятного!

– Он необходимое «зло», – улыбка матери стала шире. – И тебе полезно пообщаться с кем-то, кто не нянчил тебя малышкой, обезьянка. Кто не катал на лохматой спине лунными ночами, не учил плавать в зачарованном озере, не проводил тайно к Сажельке, не таскал тебе сладости из парижской пекарни среди ночи...

– Ты тоже считаешь меня разбалованной и капризной? – я остановилась и нахмурилась.

– Нет, Ава, – мама погладила меня по щекам. – Ты открытая, живая, добрая, смелая. Пытаешься ухватиться за все и сразу, но это лишь потому, что ты ищешь свои ответы. Свой путь. Просто еще не нашла. Тебя подгоняет сильная капля, временами нашептывая всякие глупости и толкая на безрассудства, но... Все мы через это проходили. Ты справишься.

– Мой дар...

– Раскроется. Когда ты найдешь себя, – мать поцеловала меня в висок и вдруг оцепенела. Ее ладонь похолодела и мертвой хваткой впиалась в мое плечо.

В этот момент входная дверь Академии распахнулась, и внутрь вошли четверо. Трое мужчин и одна женщина, уверенно вышагивавшая перед всеми.

– Дикая кошка...

– Кто это, мам?

– Комиссия, Ав, – нервно прошептала мама, прижимая меня к себе. – Тот драный ревизор, которого никак не ждали. Слетелись на запах крови...

Пока компания подходила к нам, мама успела тихонько выругаться.

– Господин Бехтерев, какая неожиданная встреча. Вы приехали доучиваться? – игнорируя первую вошедшую, мать обратилась к высокому темноволосому джентльмену в сером костюме-тройке. – Боюсь, у нас нет мест.

– Приехал, чтобы засвидетельствовать вам свое почтение. Целую ваши нежные пальчики, Анна Николаевна. И я с некоторых пор прикреплен к роду Вяземских в титуле графа. Моя дочь Микаэлла учится у вас, я полагал, вы в курсе родословных своих студентов, – скользко улыбнулся этот Бехтерев, но мать ему руки не подала. Наоборот, демонстративно убрала в карман платя.

– Вы нам не рады? – едко уточнил старик Вяземский.

Председателя Верховного Совета я узнала сразу. Высо-

кий, жилистый, сухой, надменный. Рядом с ним стоял лысый инспектор, приехавший в прошлый раз. Вроде бы мистер Лоури. Но больше всех внимание привлекала дама неопределенного возраста.

Загорелая, интересная, с темной челкой, падающей на хитрые кошачьи глаза. В точеной фигурке, закованной в неформальные джинсы и черную водолазку, чувствовалась сила. Мышцы казались крепкими, как камень. Она явно была бойцом.

– Мы ожидали вас позже, – пояснила мать. – Я лишь вчера ночью сообщила в Верховный Совет о происшествиях.

– Невероятное совпадение, – согласился Вяземский. – Комиссия для аттестации Академии была почти собрана, а тут еще и в Заповеднике проблемы... Мы решили, что медлить нельзя. Ваш запрос на дополнительную охрану удовлетворен, команда специально обученных магов прибудет завтра. Кроме того, принято кое-какое решение...

– Не томите, граф.

– В ноябре некоторые ученики и преподаватели, особенно новые и те, что вызывают наши опасения, будут выборочно приглашены на тестирование в Университет древней магии, – с хитрой ухмылкой произнес старик.

– В Индию?! Вы собираетесь прервать учебный процесс?

– Бросьте, Анна Николаевна. Лишь несколько учеников и пара-тройка магистров уедет на неделю-другую... Поступают, знаете ли, жалобы. На непрофессионализм, на странные

методики преподавания, на «особое отношение» к определенным студентам...

– Чушь! – зло фыркнула мама, теряя самообладание.

– Мы понаблюдаем за учебным процессом и чуть позже составим списки тех, кто отправится на тестирование, – успокаивающим тоном уверил Вяземский, и меня стало потряхивать от раздражения. – Там и проверим качество полученных знаний. Ведь если самые сильные студенты не смогут ответить на элементарные вопросы, то что ожидать от слабых, верно, Анна Николаевна?

– Если таково решение Совета, я не стану препятствовать. Я не сомневаюсь ни в одном нашем ученике и ни в одном профессоре.

– Княгиня Карповская, – с холодной вежливой улыбкой кивнула женщина, до этого молчавшая.

– Госпожа Караваева, не ожидала вас встретить.

– Можно просто Тamarой, по старой дружбе. В связи с последними происшествиями Совет попросил меня помочь с проверкой заповедной территории и условий содержания магических тварей. Вероятно, их привлек мой опыт, полученный в парке в Ладакхе, – она сдула челку, приоткрыв цепкие дымчатые глаза. – А где же Андрюш... Андрей Владимирович? Почему ректор не встречает лично комиссию из Эстер-Хаза?

– Ректор задержался в командировке, но должен вернуться со дня на день. Мы будем рады провести для вас экскур-

сию по нашему Заповеднику и послушать советы. Я сообщу Главному Мастеру о вашем прибытии, – сдержанно произнесла мама. – А пока прошу меня извинить. Господин Макферсон займется вашим размещением на территории Академии.

Я сдвинула Монстроглаз в сторонку и прислушалась. И верно, эти заунывные звуки – очередная печальная песня Атарины. Пасмурная погода нагоняла на нее хандру, и наша русалка, высунувшись по пояс на берег, мучила всех жалобным не то воем, не то мяуканьем.

Мне, оптимистично настроенной в любой ситуации, этот саундтрек никак не подходил. Так что я пихнула в бок Трясучку Египетскую Булавовидную, и та грозно затрещала военный марш. Так-то лучше: меня ожидал бой с Пасленом.

Атарина уже любезно поделилась парой своих чешуек, а Бойз стоически потерпел, пока я выстригла крошечный клочок его шерстки. Остальные ингредиенты для модификации «Животной страсти» я добыла в потайном подвале номер два.

Торопливо срывая и очищая от кожуры синие «виноградины», я невольно возвращалась к сцене в фойе. Эта женщина, кто бы она ни была, вывела маму из равновесия. Хотя и непонятно, чем именно. Вела себя гостя сдержанно, отстраненно и профессионально. Она не позволяла себе каких-то оскорбительных вольностей ни словами, ни тоном, ни

жестами.

Мама тоже нацепила на лицо уважительную улыбку и не снимала до конца разговора. А потом всю дорогу до ректорского кабинета, куда я вызвалась ее проводить, держалась уверенно и прямо. Болтала о том о сем, раздавала распоряжения стражам, даже перебросилась парой фраз с милостивой дриадой и передала той ключ от теплиц...

Но я-то видела. И побелевшие кулачки. И нервно дернувшиеся скулы. И яростное пламя, разгоравшееся на дне темных глаз. Они с этой леди явно что-то не поделили в прошлом. Или кого-то.

В кабинет мама меня не пустила, сказала, что хочет побыть одна. Спорить с ней было бесполезно (гены ослиного упрямства во мне не с потолка взялись), и я решительно направилась к оранжереям. Кто знает, когда дриада захочет осмотреть подконтрольные владения и как отнесется к моему вторжению.

– Вот видишь, а ты не верил, – подмигнула я Монстроглазу, скептически наблюдавшему за моими манипуляциями. – На этот раз все ингредиенты верные, никаких расхождений с инструкцией. Папа бы мной гордился. И пусть только этот увалень Карл посмеет поворотить нос от моих роскошных шмырлих!

Хлоя-Жюли сейчас, конечно, была не настроена на продолжение рода. А вот вторая зубокрылая красотка (назову-ка ее Жюли-Хлоей, для симметрии) давно ждала своего

звездного часа. А может, и двух. Засиделась в девках!

Собрав пасленовый сок в серебряное корытце, я направилась обратно в Академию. В Заповедник никого до сих пор не пускали, но я и не торопилась: зелью после приготовления рекомендовано настаиваться три дня "во избежание побочных эффектов". На этот раз я планировала подойти к вопросу с максимальной ответственностью, на которую способна: вислоухих лысых шмырлов нам не нужно.

Глэдис с утра сообщила, что летит в Эстер-Хаз по сверхважному поручению княгини. Ей доверили передать кое-какие лекарственные травы в Главную Аптеку. И попросила меня подежурить за нее. Сама Судьба передала в мои руки пустое помещение и идеальный зельеварительный стол, и я сочла это хорошим знаком.

... Час спустя «разгорячающее» снадобье для людей «Эльфийская ночь» было готово. Не уверена, что древняя раса имела к зелью какое-то отношение, но название было уж очень романтичным. Потому я и остановила выбор на нем, листая потрепанную книжку в личной ректорской библиотеке.

Уменьшив синее пламя под хрустальной чашей, я аккуратно влила в «Ночь» пару жидких унций «Животной страсти». Она еще с прошлого года осталась, когда Китайский заповедник заказал у нас разведение молодняка камнехвостов. Ох, что эти негодники творили с пары капель... Вспоминать стыдно.

Излишки «Страсти» так и лежали без дела: на прочих тварей она действовала до обидного слабо. И сейчас я начинала думать, что камнехвосты попросту притворялись и пользовались ситуацией в свое удовольствие...

Зелье подозрительно забулькало, приобретая красивый фиолетовый оттенок. Не зеленая слизь – еще один хороший знак. Может, Судьба сегодня и правда на моей стороне?

А может, и нет.

Жижа зашипела, порозовела, пошла пузырями и стала увеличиваться в размерах, заполняя чашу до краев и норовя через них перелиться. Черт! Мне столько не надо!

Я для начала собиралась дать Карлу совсем капельку – посмотреть эффект. Жюли-Хлоя у нас дама пышная, с блестящей шерсткой, со всех сторон привлекательная... Крошечного стимула вполне должно хватить для разжигания плотского интереса.

С другой стороны, много – не мало. Если зелье хорошо пойдет, может, мы и даркен-саберов, и румынских диких котов развести сумеем...

– Есть кто? – дверь с грохотом распахнулась, и в отделение ввалился магистр Салливан. Глаза б мои его не видели. – Где мисс Пиркинс?

– Что у вас там стряслось? – недовольно пробурчала, прикрывая спиной зельеварительный стол.

– Ничего. Пиркинс где? – хмуро переспросил мужчина, и я, наконец, обратила внимание, что он прижимает руку к

груди.

Какую-то неестественную, неправильную руку. Потому что торчащий из ладони стилет – это разве естественно? Кожа по обе стороны от древнего ножа была обмотана не пойми чем, явно не слишком чистым. Да так он в кровь еще и заразу занесет!

– Так. Сюда давайте, – я поманила пальцем руку, но мне ее не дали. Наоборот, сделали полшага назад.

– Вы и здесь практикуетесь?

– Временами, – уклончиво ответила я.

Глэдис я и правда часто подменяла, пока Мари пропадала в бессрочном отпуске: тренироваться на людях куда спокойнее. Их не так жалко, если что-то пойдет не так.

– Подожду Пиркинс, – упрямо заявил раненый тролль и присел на кушетку.

– Вы что, Глэдис доверяете больше, чем мне? – оскорбилась до глубины души.

– Определенно.

– Тогда ждите. До вечера должна подойти. Авось еще и не отвалится ваша рука, но гарантировать не буду, – надменно заявила и отвернулась к зелью. Оно и должно идти пеной или что-то пошло не так?

Нет, не могла я равнодушно варить снадобье, пока из магистерской лапы торчал древний нож. Мне всех жалко, даже нудных троллей.

– Это надо вытащить и обработать. Иначе схлопочете

загрязнение, – упрямо развернулась обратно и двинулась на пострадавшего. – Как вы вообще умудрились себя проткнуть?

– Производственная травма, – буркнул Салливан.

– Ритуал проводили запрещенный? – сузив глаза, допытывалась я.

– Всего лишь вспомнил старое хобби, – он достал из кармана небольшой брусок дерева, на котором было вырезано... тролль знает что.

– Этому стилету три сотни лет! – оскорбилась я теперь уже за ножик.

– Он все еще достаточно острый, – уверил меня Салливан.

– Да я заметила! – рявкнула на безалаберного магистра и выдернула клинок без лишних сантиментов. – Терпите. Я не человеческий врач.

– Вы вообще бесчеловечное создание, – сдавленно прохрипел мужик. – То-то от вас шмырлы даже на заднице глаза закатывают.

– Не выражайтесь. Животному я бы вколола снотворное, но вы вряд ли согласились бы, чтобы вас усыпили. Хотя я бы с радостью, Судьба свидетель. И на подольше, – я сдернула с его ладони грязную тряпку и влила прямо в образовавшуюся дырку наш стандартный антисептик. – Жжется, знаю. У меня, в отличие от мамы, целительский дар не раскрыт, так что терпите, не маленький.

– Вы ненормальная!

– Я. Не. Человеческий. Врач, – прошипела, с силой перехватывая его ладонь, чтобы не вырывался. – Животных я люблю. Что до людей, то далеко не всех. Вы меня все время поучаете. То нельзя, это неправильно... А сами... Сами... Вот это вот все! Стилетом! Древним!

Я кивнула на деревянную фигурку, брошенную на голубую простыню.

– Прекращайте орать. Сам не знаю, что на меня нашло, – признался вдруг Салливан. – Вспомнил, что мне это нравилось в пятнадцать. В школе при магприюте было не так много развлечений. По инерции взялся... Но мастерство пропало.

Я закатила глаза в лучших традициях шмырлов. И почему у всех чудищ есть безопасное хобби, из-за чего они кажутся милыми? Так легко обмануться!

Отец трясется над своими оранжерейнными созданиями. Может час делать стрижку Монстроглазу! Говорит, успокаивает. После первокурсников сразу туда бежит прятаться. А дед варит ядреный цветочный сбор. Гадость редкостная, но он даже фирменный рецепт запатентовал.

– Ну и что вы там вырезали? – недовольно пробурчала, косясь на фигурку. Из понятного там был только один глаз и нос. – Чье это лицо?

– Не знаю.

– Чем-то на вас похоже, – я присмотрелась к магистру. Ну да, он такой же твердолобый и бесчувственный чурбан, как

этот кусок деревяшки. – Может, мать?

– Мы не были с ней знакомы. Что за розовую дрянь вы там варите? – перевел тему Салливан, забирая у меня свою руку и вставая с кушетки.

– Оу... Это для животных. Кое-какое экспериментальное снадобье. Не обращайтесь внимание.

– Пахнет, в целом, неплохо, но вид сомнительный...

– Оно для увеличения популяции, – проболталась я. Должен же хоть кто-то оценить мои старания. – Шмырлы никак не хотят сами размножаться, вот и...

– Я понял. Оно сейчас взорвется, отойдите, – предупредил магистр, напрягшись всем телом.

– Нет, нет, это вы отойдите! Немедленно! – я в ужасе бросилась к зельеварительному столу, но упрямый тролль загордил мне проход.

Что-то позади него бабахнуло. Комната наполнилась едким ароматом взорвавшегося снадобья. По полу растеклась розово-фиолетовая жижа, практически коснувшись моих каблуков.

Я взвизгнула и в ту же секунду обнаружила себя прижатой к магистерской груди. То ли он сам сгреб меня в охапку, то ли я с перепугу обезьяной на него запрыгнула – кто ж теперь разберет.

Не удержав равновесие, Салливан пошатнулся и с гулким «шмяком» грохнулся прямо в лужу, не выпуская меня из лап. Я приземлилась на мужчину, в панике поджав все ко-

нечности, чтобы не коснуться снадобья. Толку от этих стараний было немного: магистр был заляпан воспламеняющим зельем по самые уши.

И к такому меня жизнь тоже как-то не подготовила.

Глава 7. О внезапном желании обзавестись потомством

– Слезьте с меня, – прохрипел магистр, и я в отчаянии помотала головой.

– Не могу! Тут повсюду слизь.

– Вы используете меня как плот?!

– Ну должны же и вы приносить пользу обществу? Хоть какую-то?

– Карпова, я вас придушу.

– Это будет лучший вариант из возможных, если учесть, как вы заляпались, – согласно закивала, разглядывая фиолетовые пятна на его шее, скулах, ушах и губах. Они свидетельствовали о том, что вляпались мы оба. Крепко и глубоко. На мне розоватой слизи не было, но едва ли это могло меня спасти. – Судьба-богиня... Да вы весь в зелье!

– Полагаете, я так сильно дорожу своим костюмом?

– Я очень, очень надеюсь, что даже сильнее, чем костюмом, вы дорожите своей репутацией и этими вашими...

– Нашими?

– Правилами Академии. Ну и честью там, достоинством, принципами морали и нравственности...

– А в правилах Академии было что-то про удушение учениц? Я запомнил, – грозно сдвинул брови магистр. Но пу-

гал он меня сейчас не этим.

– Я уже сказала, что согласна на удушение. Меня другое волнует...

– Меня... кхм... тоже начинает волновать. Карпова...

– Мм? – я невинно похлопала ресницами, пытаюсь унять дрожь в коленях, упирившихся в магистра, чтоб его, Салливана.

– Напомните, что вы варили? – вкрадчиво поинтересовался мужик, напрягаясь каждой мышцей.

– Зелье. Любовное. Оно для зверей.

– Рад быть первым подопытным, – сквозь зубы прошипел мужчина. – Если оно для животных, то чего вы так трясетесь?

– Я добавила кое-что для людей. «Воспламеняющее», – краснея, призналась фиолетовому пятну на его щеке.

– Боги, надеюсь, в прямом смысле?!

– А у вас есть непреодолимая тяга к самовозгоранию? Интересный побочный эффект, – вдумчиво закивала я. – Жаждете воспламениться?

– Я уже на все согласен. Даже со стыда сгореть, лишь бы побыстрее. Что вы намешали?

– В основном там «Животная страсть» и немножко «Эльфийской ночи». Или наоборот, – я покусала губу. – Вообще, там много «Ночи» было. А «Страсть», возможно, чуток просроченная, она у нас с прошлого года пылится. Совсем бестолковое снадобье.

– Да не сказал бы, – прошептал загадочно этот тип, и что-то мне не понравился ход его мыслей. Как и его лап на моей спине. – Карпова...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.